

Ловушка для стервы

Автор:

Надежда Черкасова

Ловушка для стервы

Надежда Анатольевна Черкасова

Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой

Если ты хитроумная стерва и признанная королева желтой прессы, будь готова к тому, что кто-нибудь захочет снять с тебя корону. Возможно, вместе с головой. Верить нельзя никому – ни лучшей подруге, ни красавцу любовнику, ни родственникам, ни самой себе. Память подводит, мысли путаются, будущее становится прошлым, и наоборот. Спасайся, Мила, беги... Или умри!

Надежда Черкасова

Ловушка для стервы

«Жизнь – ловушка, а мы мыши; иным удастся сорвать приманку и выйти из западни, но большая часть гибнет в ней, а приманку разве что понюхают. Глупая комедия, черт – возьми».

В.Г. Белинский

Глава 1

Хочу, чтобы меня пожалели

В предрассветной дымке тумана по непривычно пустынному шоссе на предельной скорости мчится великолепный красный «Бентли». Он летит стрелой, рассекая светом фар утреннюю влажность воздуха и оставляя позади самый противоречивый город на свете, где начинают просыпаться потенциальные и явные счастливицы, имеющие реальную возможность в нем проживать.

Необыкновенно дорогой и желанный мегаполис, который время от времени лучше покидать, чтобы не сойти с ума от его потрясающих возможностей и безграничных соблазнов, от огромного нервного напряжения и страха упустить единственный шанс, даруемый судьбой каждому. Или просто для того, чтобы хоть на время остановить безумную гонку за воображаемым счастьем, посмотреть со стороны на этот грандиозный и великолепный вертеп, увидеть в нем себя, понять свое предназначение и осознать собственную персону частью единого целого, дабы не утратить радости бытия.

Словно вихрь автомобиль проносится мимо застывших в возмущенном негодовании работников дорожно-патрульной службы, которые только злобно смотрят ему вслед. Остановить именно этот «Бентли» означает для них в худшем случае – лишиться на веки вечные погон, в лучшем – пообщаться со скурсом.

– С-сука! – цедит один сквозь зубы.

– Не бери в голову, – успокаивает другой. – Нарвется когда-нибудь.

Между тем «Бентли» продолжает свой путь. Туман постепенно рассеивается, и автомобиль словно вспыхивает под лучами восходящего солнца, выделяясь огненным пятном на фоне тянущегося по обеим сторонам дороги живописного зеленого массива.

После получаса пути без пробок «Бентли» сворачивает с основной трассы и, миновав автоматический шлагбаум с сигнализацией, камерой видеонаблюдения и неизменной грозной табличкой «Проезд запрещен! Частные владения!», на большой скорости летит по мерцающему после дождя асфальту в глубь леса, тянущегося на многие километры и удачно скрывающего за густыми кронами деревьев огромную усадьбу с просторными земельными и лесными угодьями.

Проехав среди фруктовых садов и полей с молодыми подсолнухами, красочных цветочных полей и уютно устроившихся на них маленьких домиков пчелиных ульев, мимо изумрудного луга с пасущимся стадом коров и овец, «Бентли» наконец останавливается напротив высоких, украшенных кованой фигурной решеткой ворот, которые немедленно распахиваются и, впустив автомобиль, важно затворяются.

Взору открывается совершенно очаровательный вид: широкая дорожка из белой с золотистым рельефным рисунком тротуарной плитки, вдоль которой с обеих сторон тянутся многочисленные цветущие кусты и обустроенные клумбы, ведет к белоснежному строению в два этажа с высоченными помпезными мраморными колоннами янтарного цвета и роскошным балконом.

Перед величественным строением на ухоженном газоне расположился внушительных размеров фонтан в виде круглой глубокой чаши с постаментом, на котором возвышаются статуи трех обнаженных дев, грациозно держащих на изящных плечах узкие высокие кувшины. Мощные струи воды, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, вырываются вверх из кувшинов и постамента и шумным водопадом ниспадают в круглую чашу, создавая вокруг прекрасных нимф прозрачную водяную завесу.

Ощущение сказочности и нереальности происходящего дополняют павлины, горделиво вышагивающие вокруг фонтана и издающие гортанные звуки, которые следует принимать за пение райских птиц. Если рай и существует на свете, то он здесь и сейчас.

Миланский Руслан Романович, владелец усадьбы, знает толк в шике и слывет большим любителем излишеств, делающих его далеко не молодую жизнь намного привлекательнее.

Высокая худенькая блондинка в ультрамодном наряде выпархивает из машины и изящной походкой модели направляется к дому. Навстречу ей, огибая фонтан и распугивая райских птиц, с распростертыми объятиями спешит сам хозяин, статный крепкий старик лет семидесяти с небольшим.

– Здравствуй, Людмилочка! Здравствуй, солнышко! Как же я рад тебя видеть! – Он целует Милу в обе щеки и, немного отстранив от себя, с удивлением оглядывает. – Ты у нас, оказывается, ранняя пташка. А кто рано встает, тому Бог

подает.

– Не знаю, не уверена. Вчера встала пораньше жаворонком, а теперь, после бессонной ночи, злющая-презлющая, как невыспавшаяся сова. И все же, дядюшка, доброе утро!

– Совсем старика забыла, почти месяц где-то пропадала. Даже на звонки редко-редко отвечала. А я по тебе так соскучился!

– Я тебя тоже очень люблю! – От умиления и нежности ком подкатил к горлу, на глаза готовы навернуться слезы. Мила с трудом выдавила: – Ты как?

– Живем потихоньку, тебя вот дожидаемся. И дождались, наконец. Как же ты много работаешь, – запричитал дядюшка по-стариковски, всплеснул руками и, прижав их к груди, скорбно покачал головой. – А похудела-то как! Все диетами балуешься? Смотри, на кого стала похожа: почти прозрачная. И личико совсем осунулось, темные круги под глазами. Или ты так себя работой уморила? Что же ты творишь-то с собой, скажи на милость?

Мила слушала, изо всех сил стараясь улыбаться, чтобы излишне не расстраивать дядюшку. Однако провести его трудно, так как он видит ее насквозь.

– Да что с тобой, на тебе лица нет! Случилось что? Или кто обидел? – не унимался он, заглядывая в глаза племяннице.

Последняя капля упала в переполненную чашу терпения, и Милу охватила предательская жалость к себе: она расплакалась. Сколько угодно можно позволять другим жалеть ее. Но ни в коем случае не вызывать жалость у себя к себе самой. Иначе та мгновенно превращается в слабость и отнимает всяческую способность трезво мыслить, правильно оценивать обстановку и принимать верные решения.

Мила ненавидела быть слабой и безвольной. Но здесь, с единственным на свете дорогим человеком, не возбраняется чувствовать себя незащищенной, открытой и нуждающейся в помощи. Даже слезы можно не сдерживать. Потому что она приехала за очередной порцией искренней любви и неподдельного внимания, которые очистят душу, обласкают и укрепят сердце. И снова внутри засияет солнце и захочется жить.

Дядюшка, не на шутку встревоженный слишком бурным проявлением эмоций единственной на свете кровиночки, обнял Милу и чуть охрипшим от волнения голосом принялся успокаивать:

– Людмилочка, душа моя, не плачь, – уговаривал он безутешно рыдающую на его груди Милу, ласково гладя ее по голове, словно ребенка. – Не терзай мое больное старое сердце, я этого не вынесу. Ведь я так люблю тебя! Твоя мать была мне единственной сестрой, твой отец – единственным другом, а ты – моя опора в жизни, моя любовь и отрада. Ты – моя жизнь и единственная наследница. И я сделаю все от меня зависящее для твоего счастья.

Из дома, с трудом протиснувшись в приоткрытые тяжелые двери, выбежали две борзые, заботливо оглядели невеселую парочку самых дорогих на свете людей и участливо заскулили, тыча носами в колени хозяина и всхлипывающей Милы.

– Я поддержу тебя во всем. Только не скрывай от меня ничего. Чтобы знать, как и чем тебе помочь, – продолжал дядюшка. – Мне осталось не так уж много. И все, что у меня есть дорогого, – это ты. Поверь, ничто не стоит твоих драгоценных слез. На те деньги, что я тебе оставляю, ты сможешь купить все и всех. Я знаю, что говорю. Пошлость, конечно, но согласишься: глупо расстраиваться при таких-то богатствах. Богатым вообще грех жаловаться на жизнь. Да и веселее с деньгами-то, чем без них. Это факт, который ты не можешь отрицать. Что бы ни случилось, деньги всегда тебя поддержат. А потому делай то, что тебе нравится, радуйся жизни, ведь молодость так быстротечна. И главное – не падай духом, а то ушибешься. Так ведь Козьма Прутков говорил, помнишь?

– Как хорошо, что ты у меня есть, – улыбнулась Мила. – Хоть поплакала вволю. И сразу легче стало. И что бы я без тебя делала?

– Да-а уж! Не подоспей я тогда вовремя, остались бы от тебя рожки да ножки.

«А может, и их бы не осталось», – подумала Мила и потрепала по голове борзую. Вторая тут же присоединилась к раздаче ласк, и Мила, встав на колени, уже обнимала обеих собак, готовых ради нее даже умереть, если понадобится.

– Прости меня, деточка, совсем из ума выжил на старости лет. Вместо того чтобы дать отдохнуть с дороги, на улице тебя держу да мучаю своими стариковскими

тревогами. Мы с Маняшей тебя заждались. Она и баньку истопила, как ты любишь, и пирог твой любимый с яблоками испекла. Пойдем скорее в дом. Полежишь в своей каморке, чуток успокоишься. Маняша чаек с мятой и медом прямо к тебе принесет. А там и в баньку соберешься, как раз лишний жар уляжется. Венички я тебе сам выбирал: березовый и дубовый. И Вадим тебя с массажем заждался. А как управишься, спускайся в гостиную к столу. Посидим, покалякаем о житье-бытье.

Они направились к дому, сопровождаемые борзыми, то бегущими следом, то вырывающимися вперед и преданно заглядывающими в любимые лица. Зайдя в просторный холл с колоннами и высоким лепным потолком, расстались.

Мила отправилась в свои роскошные покои, состоящие из кабинета и зимнего сада на первом этаже, а также гостиной, спальни, гардеробной, ванной и туалетной комнатами – на втором. Это ее личное пространство, которое дядюшка шутливо прозвал «каморкой», располагалось в доме особняком и имело также свой вход с отдельной лестницей на второй этаж.

На изящном журнальном столике спальни в старинной вазе Милу ждал великолепный букет огромных желтых роз, ее любимых. И точно такой же, как по волшебству, начнет теперь появляться здесь каждое утро, вплоть до отъезда. А по вечерам перед сном она будет нежиться в ванне с ароматными дорогими маслами и восхитительными душистыми лепестками.

Эти чудесные розы выращены специально для Милы. Ах, дядюшка, как же он ее любит и балует!

Не слишком ли она сентиментальна в последнее время? К чему бы это? Наверное, от усталости. Только здесь, в имении, где Мила чувствует себя в полной безопасности, можно полностью расслабиться и отдохнуть.

Она с любовью оглядывает свои богатые покои. Дорогая, выполненная на заказ, мебель из Франции поражает красотой. Гостиная в светлых с золотом тонах, мягкие диваны и кресла из тончайшей натуральной кожи элегантного цвета айвори, на стенах бесценные картины известных художников, среди них внушительных размеров телевизор в золотистом корпусе – в тон роскошным золоченым рамам старинных полотен.

Из гостиной два выхода: один – в спальню, другой – в коридор холла второго этажа особняка. В спальне широкая кровать с балдахином, на прикроватных тумбах эксклюзивные французские светильники нежно-салатового цвета, великолепный резной комод и огромное венецианское зеркало в золоченой оправе над необыкновенно красивым туалетным столиком на гнутых ножках.

Стараниями усердной домработницы Маняши во всех комнатах наведен столь идеальный порядок, что помещения кажутся нежилыми. Ни одной личной вещи Милы на виду, ни одной фотографии. Слово она начинает существовать в этом доме и в этих комнатах, только когда приезжает.

Мила тут же отгоняет возникшее вдруг ощущение неприкаянности, легко убеждая себя в том, что здесь ее любят, рады и счастливы приезду, и принимается рыться в шкафах, до отказа набитых нарядами, выбирая что-нибудь попроще.

Тем не менее, видимо, для того чтобы лишний раз доказать домработнице – преданной и любящей хозяина и почему-то недолюбливающей его племянницу, – кто здесь истинная хозяйка, Мила разбрасывает везде свои вещи и расставляет в комнатах многочисленные фотографии, спрятанные Маняшей после ее отъезда глубоко в ящики комода. И тут же чувствует себя уютно и комфортно в окружении собственных любимых изображений.

Это своего рода месть наводимому в ее комнатах ненавистному порядку, а также протест против навязываемых кем бы то ни было правил, которые может устанавливать для себя только она сама и никто кроме, тем более – какая-то там прислуга.

«Как собака, которая метит свою территорию», – невольно подумала Мила о себе. И снова некое неуловимое чувство тревоги, зародившееся неизвестно по какому поводу, коснулось ее почти незаметно, словно еле ощутимое колыхание воздуха от взмаха крыльев бабочки.

Можно, конечно, прикинуться дурочкой и сделать вид, что ничего не происходит. Но нервы словно оголенные провода и четко реагируют на все, что есть, и особенно на то, чего нет. Пока нет. Вот если бы она здесь постоянно жила, то установила в имении свои правила, а сейчас приходится довольствоваться малым.

Может, и нет ничего. Просто она очень устала, и ей нужен элементарный отдых.

«Так и с ума недолго сойти. Нет, сейчас никакого анализа, никаких мыслей, никаких отрицательных чувств. Только расслабление и положительные эмоции. Беру тайм-аут. А иди-ка ты, дорогуша, со своими сомнениями в баню», – решила после невеселых раздумий Мила и, закусив приготовленными заботливой Маняшей бутербродами с икрой, принялась собираться.

По случаю ее приезда дядюшка пригласил в имение лучшего массажиста. Великолепный костоправ и просто чародей, Вадим не только помогал правильно принять банные процедуры, но и превращал их в максимально оздоровительные, приводя все косточки и кости, мышцы и кожу в идеальное состояние блаженства и успокоения, счастья и довольства, возвращающие осознание радости бытия.

Коренастый, немногим за сорок, на вид суровый, а руки – мягкие и гладкие, ласковые и чувственные, словно созданные для того, чтобы холить и баловать нежные женские тела. Мила – его любимая пациентка. Может, потому, что прославиться Вадиму, искусному лекарю из соседней деревни, помог дядюшка, который рекомендовал его всем своим именитым друзьям и знакомым?

Как бы там ни было, а эффект волшебного послебанного массажа мастера сродни проведенной пластической операции: ни единой морщинки, обновленная упругая нежная подтянутая кожа. Но кроме того – все косточки на своих природных местах и в совершенно здоровом состоянии, необыкновенная легкость в теле и ощущение как от полученного чувственного наслаждения. Вот потому-то он и нарасхват за свое искусство омоложения и возрождения тела.

«Стареющий организм надо согревать и увлажнять, – думала Мила, укладывая свои, прямо скажем, не молодеющие мощи на полки и отдаваясь ядреному и вместе с тем ласковому жару. – Любимая русская банька, какой же умный человек тебя придумал!»

Ей казалось, что она просто физически ощущает, как раскаленное тепло окутывает тело, открывает и тщательно прочищает поры, удаляя боль и грязь не только с кожи, но и с измученной души, мягко снимая отжившие, омертвевшие клетки и мысли, которые вытесняются новыми и здоровыми. Волшебная баня сродни обновлению, и вот уже рождается новая Мила – спокойная, уверенная в себе и почти счастливая. «В который день паришься – в тот день не старишься».

Лучшее средство, позволяющее чувствовать себя и выглядеть лет на десять моложе, а то и на все пятнадцать.

После нескольких минут в парной Мила вышла в предбанник, чтобы немного отдохнуть. Там Вадим уже запаривал веники. Сначала в теплой воде, потом в горячей. Затем направился в парную, чтобы поддержать веники над раскаленными камнями банной печи. Вода из тазика после их запаривания оставлялась для мытья головы – как раз то, что нужно сейчас Миле для укрепления потускневших и ослабевших от постоянного переутомления волос.

Она поплелась за Вадимом в парную и снова улеглась на полочку. Почувствовала, как ласковый жар дарит ей чувство душевного равновесия, помогает снять утомление. Представила, как крепко заснет после баньки и ей приснятся только чудесные сны.

Мила лежала на животе и блаженствовала, когда Вадим, разогрев веники, прошелся ими, едва касаясь тела, по ногам, ягодицам, спине, рукам и обратно. А потом снова от пяток до головы. Быстро, энергично, легко. Затем ощутимые постегивания. Мила было задохнулась от первого удара, но тут же второй и третий сотворили благие превращения: тело настолько расслабилось, что Мила не ощущала больше ничего, кроме взявшего ее в плен наслаждения. Казалось, каждая ее клеточка поет от радости бытия.

Затем последовала березовая припарка: разогретый веник плавно опустился на поясницу, Вадим сверху прихлопнул и прижал его. Мила ощутила, что попала в рай. То и дело мастер поднимал веник, размахивая, чтобы разогреть, и вновь прикладывал к ее пояснице, и Мила хотела сейчас только одного – чтобы это блаженство длилось как можно дольше. Ну и под занавес он растер все ее тело веником, словно мочалкой: великолепный массаж! Затем Мила плавала в бассейне, так как для полного счастья от бани необходимо разумное сочетание жары и холода. И снова шла в парную, чтобы получить очередную порцию удовольствий с душистыми вениками.

Наконец, после очередного захода в бассейн, Мила отправилась в массажную комнату с успокаивающими морскими пейзажами на стенах и стеллажами с коллекциями редких морских раковин, тремя высокими пальмами в больших горшках и огромным толстым ковром цвета морской волны в центре комнаты – на нем хозяином расположился массажный стол. Мила погрузилась в ласковые звуки живой природы – пение птиц, шум морского прибоя: только им под силу

растворить тревожные мысли. Здесь Мила в полной безопасности, окутанная ощущениями свободы и безмятежности. Ведь это мир, где забываются все земные тревоги.

Острый свежий запах можжевельника с оттенками лаванды, розмарина и лимона слабо растекся в воздухе, возбуждая приятные ассоциации. Вадим поднес Миле маленькую чашечку с мятным настоем, и, утолив жажду, она легла на массажный стол, закрыла глаза и тут же попала на золотые пески морского берега. Где-то далеко слышался приглушенный шумом прибоя крик чаек. Она ощущала чистый, пряный и немного солоноватый от брызг набегавших волн воздух, вдыхая запахи моря.

Мила чувствовала теплые, маслянистые от живительной ароматической эссенции руки массажиста и испытывала истинное блаженство. В течение целого часа он втирал в ее кожу различные ароматные масла, разминал и поглаживал ее тело, нажимая на только ему одному известные точки удовольствия, нежно вправляя косточки, и Мила смутно осознавала, что улетает куда-то в райские заоблачные выси. Прикосновения к голове, спине, стопам – ее самым чувственным местам – заставили Милу постанывать от удовольствия, испытывая праздник души и тела.

Она почти физически ощущала, что перемещается в какое-то сказочно-фантастическое пространство, где ее физическое тело исчезает и остается только эфирная оболочка, состоящая из неги и блаженства. Продлить очарование этого наслаждения, полного и невозмутимого счастья бытия можно только продолжительным сном, и Мила отдалась ему в объятия.

Вадим укутал ее в простыню, легко поднял на руки и отнес в спальню, положил бережно на кровать и укрыл покрывалом. Теперь она проспит часов двенадцать, не меньше. Непревзойденный мастер своего дела превратил окаменевшее от стрессов и недостатка ласки и любви тело Милы в нежное и гибкое, расправил все скрюченные косточки, размял упрямые и затвердевшие от напряжения мышцы...

Мила даже не помнила, когда окончился массаж, как она попала в свою комнату и сколько времени спала. Проснувшись, лежала расслабленная, с закрытыми глазами, без всяких мыслей и тревог. А когда поднялась и опустила ступни на ковер, ощутила, как поток живительной энергии заструился по ногам, необыкновенная легкость окутала плечи, шею.

Подойдя к зеркалу, с удивлением взгляделась в отражение. И не нужно никакой косметики: глаза сияют, мешки исчезли, лицо пышет здоровьем, кожа нежная и гладкая, словно у ребенка. Мила поправила пышные блестящие волосы, волнами спадающие на плечи, ярко-алые губы сложились в очаровательной улыбке: ну просто фантастическая красавица!

Глава 2

Еврейский выход из безвыходной ситуации

Мила порылась в богатом гардеробе и нашла прелестное белое платье из хлопка с кружевами ручной работы. Подобрала волосы, закрепила их заколкой, оставив кокетливые небрежные пряди у висков, и вышла в холл. Спускаясь по лестнице, услышала разговор между дядюшкой и Маняшей, полноватой женщиной пятидесяти лет, уроженкой соседней деревни.

Говорили о ней, а потому Мила задержалась, чтобы подслушать и подглядеть сверху. Привычка на уровне инстинкта, которая не раз выручала, позволяя тайно выведывать из первых уст хорошо скрываемую информацию.

– Уже семь. До вечера проспала, сердешная. Работает много, а отдыхает – никак. – Дядюшка вздохнул и прислушался. – Нет, еще не встала.

– Может, пойти разбудить?

– Да нет же, пусть понежится. Дело-то молодое.

– Не такое уж и молодое, все-таки тридцать третий годок пошел, – не утерпела Маняша.

– А ну цыц! Не тебе судить.

– А я что? Я – молчу.

– Вот и молчи!

– Я и молчу. – Маняша обиженно отвернулась и принялась смотреть в окно. – Погода-то до чего расчудесная: солнышко светит, травка зеленая, мягкая... Детишкам бы босыми ножками бегать по этой травке.

– Ты опять за свое!

– А что я-то? Не мне наследника рожать, а ей. Еще чуток – и поздно будет. Девка – товар скоропортящийся.

– Да не каркай ты!

– Так и помру, не понянчив наследника, – пустила скупую слезу Маняша.

– Да тьфу на тебя! Замучила ты меня своими разговорами.

– Не дело это, без наследника-то, – жужжала Маняша надоедливой мухой. – Промотает нажитое непосильным трудом, все прахом пойдет. Нельзя нам без наследника, никак нельзя.

– Слушай, шла бы ты...

– Это куда же? – насторожилась Маняша.

– На кухню! И носа не смей оттуда показывать.

Мила, слушая весь этот привычный разговор, только улыбалась. Она прекрасно выпалась и чувствовала себя превосходно: ясная голова, отдохнувшее тело, жизнерадостное настроение и огромное желание жить той жизнью, какая нравится ей. А не той, которую ей сейчас начнут навязывать.

Кстати, о наследничках. Мила не хотела ни говорить, ни думать на эту тему. Детки-конфетки, спиногрызики мелкие! Конечно же, она их имела в виду. Где-то там, в глубине подсознания, Мила допускала их появление. Но только не сейчас. У нее так много грандиозных планов, что, кажется, земля горит под ногами. Именно теперь, когда Мила полна сил и желания править балом светского мира

и быть его королевой. Кто, как не она, великолепная Мила Миланская, королева королев, законодательница мод и нравов, способна стать во главе великосветского королевства!

Она вышла из вынужденного укрытия и спустилась с лестницы.

– Я все слышу.

– Ну вот, доболталась своим длинным языком, – недовольно пробурчал дядюшка, сердито глядя на Маняшу. – Пошла вон отсюда, пошла вон! Ты свое черное дело уже сделала.

– Опять я во всем виновата! Ходишь-ходишь за всеми, а слово сказать – не моги, – бурчала под нос обиженная Маняша, удаляясь от греха подальше.

– Во-он! – нетерпеливо прикрикнул дядюшка.

– Да ушла уже! – слышался голос настырной Маняши из кухни, оставившей последнее слово за собой.

– Добрый вечер! – Мила подошла к дядюшке и поцеловала его в щеку.

– Добрый! Всегда добрый, когда ты рядом. Я так рад тебя видеть! Редко очень приезжаешь.

– Приезжай не приезжай, у вас тут одни разговоры – про наследника. Доведет она тебя своим нытьем. Выгони ее!

– Ах, Людмилочка, ну что ты такое говоришь, дорогая моя! Да добрее и безобиднее Маняши на всем белом свете не сыскать. Ведь у нее за тебя вся душа изболелась, вот она и говорит, что думает. Своей-то семьи нет, так она о нас и печется. Мы – ее семья и самые дорогие и близкие люди.

– А она не слишком здесь вольничает?

– Да нет же, уверяю тебя! Прости ее, дуру деревенскую. Что на уме, то и на языке.

– Это как у пьяных, что ли?

– А ты хочешь, чтобы все люди были такими, как дипломаты и политики: думают одно, говорят другое, а делают третье? Нет, Людмилочка, мир держится на добродетельных и открытых. Ну, пойдем за стол. Проголодалась небось? Маняша, неси горячее, – заглянул дядюшка на кухню, где сердито гремела кастрюлями незаслуженно обиженная домработница.

В мгновение ока на красиво и богато сервированном столе появились всевозможные яства, приготовленные умелой и заботливой Маняшей: пельмени из кабанятины и лосятины, рябчики со сливами, гигантский жареный осетр, белые жареные грибочки, неизменный яблочный пирог, вафли боярские и кисель из черносмородинового сиропа, который очень нравился Миле.

Ее всегда удивляло такое обилие еды всего для двух персон. Но Мила здесь самая любимая и долгожданная, потому ей и предлагается на выбор множество блюд в надежде, что она хоть что-нибудь да отведает.

– Я не хочу ничего... разве что самую малость, – поломалась Мила, радуясь недовольному пыхтению глубоко оскорбленной Маняши, которая весь день простояла у плиты, лишь бы угодить привередливой наследнице.

– Не выдумывай, голодать будешь за пределами этого рая.

Мила с удовольствием съела кусочек осетрины со специями, приготовленной на вертеле, и принялась за любимый яблочный пирог, который Маняша пекла лучше всех на свете. Она уже насытилась, но, чтобы поддержать компанию и не обидеть дядюшку, усердно делала вид, что продолжает есть.

– Между прочим, английские и американские ученые доказали, что если человек вдыхает запах яблочного пирога со специями, то это оказывает на его организм столь же расслабляющее воздействие, как и лечебные процедуры от стресса, – произнесла Мила, засовывая в рот маленький кусочек пирога.

– Чудаки, право дело! Пирог для того и готовится, чтобы его есть, а не для того, чтобы нюхать. Одними запахами сыт не будешь. Сколько ни говори: «Халва-халва», во рту слаще не станет... Сколько ни говори: «Ребенок-ребенок», а род

Миланских все равно без наследника прервется.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – ехидно улыбнулась Мила.

– Да хотя бы и так, а что толку-то? «Asino lira superflue canit» – «Для осла звуки лиры излишни». Вернее, для ослицы.

Мила посмотрела на дядюшку и вздохнула. Разговоры-разговоры, и все об одном и том же – когда же она, наконец, порадует старика и выйдет замуж, а затем родит ему внуков и наследников великого и славного рода Миланских.

А за кого замуж-то? За этих ряженных с серьгами в ушах, множеством перстней на пальцах, с цепочками, бантами и шарфиками на шее? За того, кто фактически больше заботится о собственной внешности, чем о женщине рядом и своих мужских обязанностях? За этих кукол, не способных на истинно мужские поступки, дела и мысли? За лицедеев, у которых не жизнь, а праздник жизни – шоу, карнавал без забот, без обязательств, одна мишура вокруг? И сами они не мужчины, а сплошная бутафория.

– Дядюшка, а тебе не кажется, что ты пытаешься всю ответственность за продолжение нашего рода переложить на меня? Род заканчивается на тебе, а не на мне.

– Если бы я мог, дорогая! Если бы я мог! – задумался ненадолго дядюшка.

– Я – женщина, а род продолжается только по мужской линии.

– Правильно понимаешь. Читаем Ветхий Завет: «Авраам родил Исаака». Родил! – Дядюшка многозначительно поднял указательный палец. – И при чем тут, спрашивается, женщина? Здесь же безапелляционный приоритет мужского начала.

– Ну вот видишь, я совсем ни при чем.

– А сейчас человек считает себя евреем, – не слушая племянницу, продолжил дядюшка, – если у него мать еврейка. Отец же вроде как и вовсе все одно что мимо проходил. Еврей – это ведь не столько национальность, сколько религия.

Евреем можно стать, приняв иудаизм. А если отец вдруг откажется от иудаизма и перейдет в другую религию? Так вот, если бы национальность определялась по отцу, то в таком случае дети уже не были бы евреями. Мать же останется еврейкой, даже если она сменит религию. Поэтому для сохранения еврейского народа национальность всегда привязывали не к отцу, а к матери.

– При чем здесь евреи? Ты собираешься принять иудаизм? И при чем здесь я?

– Ничего-ничего, сейчас и ты будешь «при чем». Мы с тобой поступим так же, как поступили мудрые евреи для сохранения своего еврейского народа. Ради спасения рода Миланских примем за аксиому, что в данный момент наш род продолжается по женской линии. А дальше – видно будет.

– Я не согласна!

– А тебя никто и не спрашивает. Это нужно не мне лично, а для спасения рода Миланских.

– Ты думаешь, так будет правильно?

– «Dum spiro, spero» – «Пока дышу, надеюсь».

– Дядюшка, у меня есть я, и мне этого довольно. Я сама для себя ребенок, единственный, неповторимый и самый любимый.

– Людмилочка, я очень хорошо тебя понимаю. Ты хочешь жить без забот и хлопот, в свое удовольствие. Но эти самые удовольствия и наслаждения лишают энергии, если делаешь их своей целью. Женщина, думающая лишь о собственной красоте и желаниях, постепенно превращается в вампира. А чтобы выжить – забирает энергию у других. Причем энергию отрицательную, которая совсем непригодна для рождения здорового и счастливого ребенка. Разве что для какого-нибудь злобного и кровожадного вампиреныша. А ты знаешь, что вопрос выживания или гибели человечества в основном зависит от женщин, от их внутреннего состояния?

– Пойдем погуляем перед сном, – предложила Мила, не желая больше говорить на неприятную тему.

Они вышли из дома и направились по аллее парка, сопровождаемые борзыми. Солнце клонилось к закату, лишняя жара спала, дышалось легко и свободно.

Мила подозревала, что яростное сопротивление естественным жизненным процессам с ее стороны – лишь бравада, защита от той тревоги, что поселилась в душе и гложет вот уже несколько лет. Главная проблема заключалась не в том, что она не хотела иметь детей, а в том, что не могла.

Она судорожно перебирала претендентов на роль мужа для себя и достойного отца для ребенка. В многочисленное окружение Милы входили достойные, умные, образованные, интеллигентные и страстно влюбленные в нее мужчины. Просто до неприличия помешанная на чувственных удовольствиях, она осознавала, что ни один из них не устраивает ее как любовник, но вот в качестве мужа и отца ребенка кого-то выбрать все же получится. Ради такой благой цели, как стать матерью, можно и замуж прогуляться.

И только одно препятствие отделяло ее от звуков вальса Мендельсона, а также от незабываемого, роскошнейшего и богатейшего торжества, которое останется в памяти многих как волшебное и незабываемое зрелище, – невозможность забеременеть. После непродолжительной связи один за другим менялись намеченные счастливики, а долгожданного зачатия так и не происходило. Тогда какой смысл вообще выходить замуж?

Да, у Милы была серьезная причина впасть в депрессию. Она, конечно, понимала, что ее избранники все как один не могли быть бесплодными. Значит, дело в ней самой. Пройдя в лучших клиниках – своих и зарубежных – обследования и заручившись уверениями медицинских светил в том, что она благополучно может зачать и выносить здоровое дитя, Мила успокоилась и с еще большим энтузиазмом продолжила поиски счастливейшего из смертных.

Однако шли годы, а долгожданная беременность не спешила ее порадовать. Обращение к другим известным специалистам также не дало никаких результатов. Все в один голос твердили, что Мила абсолютно здорова. И настал момент, когда она отказалась от мечты о ребенке.

Мила перестала в дни предполагаемой овуляции превращать кровать в испытательный полигон для обретения вожделенного материнства. И больше не носилась как угорелая с тестами, на которых никак не желали появляться

долгожданные полоски. Она снова превратила секс в источник наслаждений. Несбывшиеся надежды и бесконечные беспокойства по поводу своих физических возможностей, вернее невозможностей, сделали ее злобной и циничной.

Пропаганда на телевидении и в печати веселой, богатой и счастливой жизни, где царит погоня за удовольствиями, стала ее визитной карточкой. Только так она могла заглушить нестерпимую душевную боль.

Отныне в этом мире страстей нет места ни детскому смеху, ни детскому счастью, ни тем более – детскому крику и детским слезам. Дети лишь препятствие к достижению гармонии, совершенства, красоты и телесных удовольствий, а также помеха для манящей и сладострастной свободы.

Телевизионные проекты Милы теперь воспевали и восхваляли лишь красоту лица, тела, чувственные наслаждения потрясающей в своей вседозволенности обеспеченной, сытой жизни. И в этом прекрасном мире уже не осталось места для материнства, так как «беременность портит фигуру, выбрасывает женщин из истинного мира совершенства, где царят только красота, богатство и роскошь».

Да, Мила беспринципная и страшно эгоистичная стерва: если она не может иметь детей, пусть и другие женщины забудут о деторождении и радуются жизни, упиваясь восторгом от собственного совершенства, достигаемого пластическими операциями, всевозможными диетами и голоданием. А так как совершенству нет предела, то нет конца и женскому стремлению быть красивыми, богатыми и знаменитыми, и у прекрасных дам высшего света, постоянно занимающихся собственными персонами, не остается времени даже подумать еще о ком-то, кроме как о себе, любимых.

Да здравствует совершенство во всех его проявлениях! Слава силиконовым губам и имплантам в груди, которой никогда не кормить дитя, так как ему нет места в этом красивом искусственном мире. «Не мне – значит, никому!» – думала мстительно Мила.

Зависть – вот главная движущая сила. Без нее человек ничего не добьется в своей жизни. Мила насквозь пропиталась этим чувством, поэтому искренне верила, что всеми без исключения людьми движет и управляет зависть. А если нет, то должна управлять.

Поэтому все телепрограммы Милы Миланской созданы для рекламы и пропаганды образа жизни элиты высшего света с великолепием домов, роскошных яхт и эксклюзивных автомобилей, а также собственной идеальной красоты их владельцев. По правде сказать, эти сказочные богатства не имели бы никакого значения и жизнь их обладателей оставалась бы пустой и никчемной, если бы им никто не завидовал. Если бы они не завидовали друг другу. Если бы они не завидовали самим себе. Так да здравствует зависть во всех ее проявлениях!

После долгих лет упорной борьбы со своим капризным и не желающим оплодотворяться телом Мила уже с ужасом думала о ребенке. Она представляла его себе непременно орущим днем и ночью и требующим к себе внимания, которое она способна уделять только себе. А потому – никаких детей! Она сама у себя дитя, самое прекрасное, самое чудесное, самое преданное и самое неповторимое. Мила так к себе привыкла и так себя полюбила, что изменять себе не собирается.

«Да здравствую я! – с пафосом думала она, и все угрызения совести, все тревоги меркли перед этим утверждением. – «*Sui amans sine rivali*» – «Любящий себя не имеет соперника».

И напрасно дядюшка так беспокоится о наследниках. Даже когда умирает самый одинокий на свете человек, всегда, откуда ни возмись, тут же, словно черти из преисподней, появляются какие-то дальние родственники, которые устраивают бесконечные бои, многолетние судебные тяжбы за наследство. И в конечном счете все наследство идет прахом.

Так зачем переживать и беспокоиться о том, что будет? Живи и радуйся здесь и сейчас белому свету, собственной красоте и богатству, известности и славе. Если тебе, конечно, позволит твоя зависть.

Но и с ней очень даже можно договориться. Зависть всегда подскажет, как ее удовлетворить, чтобы не портила тебе жизнь. Для этого нужно только сделать какую-нибудь гадость тому, кому ты завидуешь. И твоя зависть успокоится, будет некоторое время сидеть тихо и не беспокоить. Пока снова не поднимет голову. Но ты ведь уже знаешь, что нужно делать?

Так что все хорошо, прекрасная маркиза высшего света, все просто замечательно! А раз завидуешь сама, дай возможность позавидовать и другим.

Вот Мила и старается. Она совсем не считает себя жадной, поэтому щедро делится чувством зависти со всяким желающим. А желающих хоть отбавляй. Ее телепередачи имеют самые высокие рейтинги, гляцевые журналы раскупаются, как горячие пирожки, а желтая пресса приносит очень приличные доходы. Заработать можно на чем угодно, было бы желание. А у Милы оно есть, и не одно.

– Пеленки, распашонки – не хочу, – прервала молчание Мила, вдыхая прохладу вечернего воздуха и искренне радуясь своей прекрасной свободной жизни.

– Людмилочка, душечка, ну какие пеленки в наше-то время! – возмутился дядюшка. – Сейчас для детей придумали много всяких изобретений, лишь бы освободить мамочек от лишних хлопот. И няnek у тебя будет видимо-невидимо.

– Это я образно. Ты думаешь, мне легко дается такая фигура? Да я только посмотрю на тортик, и уже толстею.

– Какая фигура, деточка! Раскрой пошире глазки-то, посмотри на себя внимательно: Кощеиха бессмертная.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос. Именно – «бессмертная», а значит – всех переживу.

– С тобой спорить...

– Вот и не спорь.

– Так что же делать прикажешь, с непутевой-то?

– Любить меня!

– Ты прекрасно знаешь, что никто тебя не любит больше, чем я.

– Вот и хорошо. Тогда перестань меня мучить.

Дядюшка почему-то считает, что Мила предвзято относится к мужчинам, презрительно и уничижительно, даже ненавидит их. Но ведь это же совсем не так.

Когда ей хочется нравиться, она становится милой и ласковой, очаровательно улыбается, говорит нежно-чувственным голосом и готова кружить головы налево и направо. Мила же не виновата, что очередной избранник ей быстро надоедает, становится скучным. В нем обязательно находятся некие слабости, изъяны – как умственные, так и физические, – которые так и хочется поковырять, осознанно причиняя новоявленной жертве боль и обиду.

Да, это было и есть. Но она же просто проверяет их, представителей так называемого сильного пола, на прочность. Вернее, на вшивость – так будет более точно. И правильно делает. Потому что пока ни одна особь этой проверки не прошла.

А в кого влюбляться-то? Времена изменились, и теперь считается дурным тоном и неизменной простоватостью, если у мужчины отсутствует педикюр и маникюр, прическа не от модного стилиста и совсем не надлежащего оттенка волосы, если он не элегантен, не изыщен, да и одет как-то банально, короче, похож на мужика. Некоторые даже пол не прочь поменять, лишь бы выглядеть нежнее, изысканнее, грациознее и красивее.

Нет, подобные голубоватые личности точно не в ее вкусе. А других на горизонте пока нет. Разве что в сновидениях.

Мила взяла дядюшку под руку и склонила голову к его плечу.

– Ты напрасно переживаешь. Вот встречу мужчину, похожего на тебя, сразу же выйду за него замуж. А пока такие настоящие, как ты, мне в моей жизни не встретились.

– Балаболка, – грустно вздохнул дядюшка, собираясь вновь вернуться к разговору о ребенке, ведь без наследника его жизнь все равно что коту под хвост.

Глава 3

Пойдем, я покажу тебя розам

Миланский Руслан Романович во всем любил размах – в мыслях, работе, отдыхе. И чем бы ни занимался, всегда делал это с удовольствием. Он предпочитал жить в собственном доме, но свой прежний ему казался чрезвычайно малым. А потому, как только настали благоприятные времена, совсем недорого выкупил у местных властей пустующие земли недалеко от столицы с давно разрушенным имением какого-то очень знатного царского вельможи.

По найденным в архивах чертежам выстроил великолепную, рубленную в русском стиле усадьбу с многочисленными службами, а также домовую церковь. Купил дорогую, эксклюзивную антикварную мебель, развесил на стенах великолепные картины художников с мировой известностью и зажил в свое удовольствие.

А чтобы простор, свежий воздух и сказочно райские условия жизни не вскружили голову и не выбили из колеи, ежедневно и упорно трудился, выращивая на своих полях картофель, морковь, свеклу и капусту, а в садах – яблоки, груши, сливы, вишню и черешню, то есть все, что здесь лучше всего росло. Часть урожая продавал по довольно разумным ценам для овощей и фруктов, выращенных на экологически чистых землях и не содержащих химикатов, так как считал, что всякому труду есть своя цена, и если продавать урожай слишком дешево – значит, совсем не ценить свой труд. А если ты сам его не ценишь, никто, как правило, ценить не будет.

И вообще, отдавать что-то кому-то даром – только развращать, оказывая тем самым медвежью услугу, так как каждый кусочек, который ты кладешь в рот, должен быть заработан, иначе он встанет поперек горла.

Единственным, не подходившим под все эти разумные доводы, было три детских дома, которые находились под его опекой, а потому он строго следил за расходованием денежных средств, выделяемых им регулярно, а также за использованием отправляемых туда продуктов. У него также было довольно приличное стадо коров, овец и коз, целебное молоко и сыр которых он также поставлял в детские дома. А еще пасека, птичник, собственное охотничье хозяйство и небольшая конюшня на пять великолепнейших эталонных арабских

племенных скакунов элитных кровей.

Отдыхал Руслан Романович тоже с размахом: конный спорт, псовая или соколиная охота, катание на яхте, зимой – на тройке и снегоходе.

Каждое утро в имении начиналось традиционно. Стол простой, без затей: яйца от собственных кур, сливочное масло и молоко от собственных коров и коз, овощи и фрукты с собственных полей и садов, мед из собственных ульев. А также неизменная наливочка, опять-таки собственного производства.

– Ешь просто – доживешь лет до ста, а то и больше, – изрек дядюшка, наливая себе черносмородиновой настойки.

– А не рановато будет? – усмехнулась Мила, усаживаясь за стол.

– «Vinum Iac senum», моя девочка, – глубокомысленно произнес дядюшка, опрокинув рюмку, и аппетитно захрустел огурчиком. – «Вино – молоко для стариков». Оно им так же необходимо, как молоко детям.

– А мне можно?

– В старушки решила записаться? А не рановато будет?

– Я только за компанию.

– Обойдешься. У тебя и так кровь горячая. К тому же скоро Семен приедет.

– Зачем? Ты себя плохо чувствуешь? Или просто в – гости?

– Нет. Пусть тебя осмотрит, лишним не будет. Что-то не нравишься ты мне в последнее время. Так что с утра спаивать тебя я не намерен. Терпи до вечера, голуба моя.

– Уж и не знаю, как теперь дотерплю, – съязвила Мила и задумалась. – Дядюшка, а можно дядя Сема приедет не сегодня, а завтра? Что-то мне сейчас совсем не хочется ни с кем общаться.

– Хорошо. Позвоню, чтобы приезжал завтра.

После завтрака отправились в розарий – предмет особой любви и гордости дядюшки. Больше сотни лучших сортов ослепительно прекрасных роз, привезенных со всех концов земли, украшали эту удивительную страну цветочных грез. Казалось, розы соперничают между собой богатством цветочных переливов, роскошью нежных, как шелк, лепестков, обилием тяжелых махровых соцветий и сладкой упоительностью медовых, яблочных, анисовых ароматов. Розы – это любовь. Любовь, которая приходит внезапно и остается в сердце на всю жизнь.

Сколько Мила ни оказывалась в этом сказочном волшебстве, все происходило как в первый раз. Потрясающе бешеное цветение, кружащий голову притягательный сладкий аромат влекли к себе, очаровывая и потрясая до глубины души. Она могла часами бродить среди роз, вдыхая волшебные запахи, прикасаясь к нежно-бархатистым лепесткам блаженства, и слушать бесконечные истории дядюшки о своих любимицах.

Больше всего ее притягивали желтые розы, поэтому дядюшка концентрировал внимание именно на них. Он подходил к каждому кусту и, рассказывая, давал Миле возможность полюбоваться цветами и насладиться их ароматом. Мила, как завороченная, шла следом, восхищаясь изобилием солнечных цветов и тая от удовольствия.

– Здесь у меня англичанки. Грэхэм Томас – огромные золотисто-желтые бутоны, они раскрываются постепенно и на каждой стадии цветения становятся все прекраснее. А какой запах!.. А вот Голден Селебрейшн – просто гигантские, шаровидные медно-желтые цветки на элегантно-поникающих ветвях. Насладись: пряно-фруктовый аромат... А вот обрати внимание – Тизинг Джорджия – исключительные цветки, кремово-белые по краям и золотисто-желтые в центре, с тонами меда, сливок и лимона.

Дядюшка говорил увлеченно, минуя благоухающие кусты нежно-розовых и винно-красных оттенков и заостряя внимание исключительно на желтых.

– Эти розы поставляются Датскому королевскому двору. Сортам почти сто тридцать лет. Чэмборд – элегантные махровые цветки загадочного лунно-желтого оттенка, очень обильное цветение и удивительно нежный запах... А вот

Дюкэ оф Эдинбург – дворцовая роза, яркие, золотистые, солнечно-желтые лепестки, контрастирующие с темно-зеленой листвой... Дальше – канадки. Дж. Пи. Коннелл – изысканный лунно-желтый оттенок лепестков. Выдерживает морозы до минус сорока градусов, представляешь?! – Дядюшка восторженно взглянул на Милу.

– Потрясающе! – Она поддержала их привычную игру. – Кто бы мог подумать!

– А здесь – немочки. – Он перешел к другой группе цветов. – Как же я их обожаю! Вот Берилина – крупные нежно-желтые цветки, великолепный, густой чайный запах... Кюпферкенигин – медно-желтая королева, лепестки совсем не блекнут ни от солнца, ни от дождя.

– Вот и моя любимица.

– Царица шедевров – Мадам Мейланд. Нарядный золотисто-кремовый бутон с насыщенно-розовой каймой, источающий легкий пьянящий аромат. Непревзойденная красавица с многочисленными титулами: «Королева выставки», «Золотая роза», «Любимая роза мира», «Лучшая желтая роза», награжденная золотыми медалями во многих странах.

«Ах, как она хороша! – думала Мила, вдыхая аромат золотого цветка. – Обо всем на свете можно забыть».

Дядюшка внимательно посмотрел на Милу.

– Скажи, Людмилочка, ты себя хорошо чувствуешь? – спросил он озабоченно.

– Великолепно... Но почему-то кружится голова. – Только теперь она почувствовала легкое недомогание.

– Вот и я о том же. Вдруг заметил за собой очень странную особенность. Раньше, когда любовался природой или чем-то потрясающе величественно прекрасным особенно долго и увлеченно, у меня тоже начинала кружиться голова. Потом понял, что именно это идолопоклонство – преклонение перед красотой, изобилием и богатством – забирает все мои силы и негативно отражается на здоровье. Теперь, когда вижу что-то прекрасное, я думаю о любви к Богу,

который создал все эти удивительные творения природы, и чувствую себя великолепно.

Дядюшка пытливо оглядывал племянницу, надеясь, что та сама захочет продолжить разговор на духовные темы, иначе это будет покушение на ее свободу. Но Мила промолчала. Значит, еще не готова.

– А потому давай-ка мы с тобой на время прервем нашу сказочно-розовую экскурсию и немного отвлечемся. Объедем поля, посмотрим, как там и что растет.

И они отправились проверять владения. Заглянули и в конюшню, где Мила приласкала своего любимца Принца, серого в яблоках скакуна. Его роскошная серебристая грива уложена налево, так как конюх Николай уже заботливо подготовил его к верховой езде. Принц, застоявшийся в деннике, нетерпеливо бьет копытом, давая понять, как же ему хочется на волю.

– Прости, дорогой, не сейчас, – уговаривает его Мила, гладя по голове и угощая сахаром. – Очень скоро мы с тобой непременно встретимся, хорошо?

После ухода Милы Принц долго смотрит ей вслед, затем склоняет голову на плечо конюха Николая, а в глазах такая тоска, что тот не выдерживает:

– И за что ты ее так любишь? Эту гадину удавить мало...

Вернулись обратно только к обеду, усталые и довольные: все росло, размножалось, приумножалось, цвело и процветало, а потому приносило не только моральное, но и физическое удовлетворение. Ну и прибыль, конечно.

После бассейна Мила спустилась в столовую к накрытому столу: любимый дядюшкин борщ, для Милы – суп из черники, а также шампиньоны жареные, форель, сваренная в вине, говяжья грудинка под соусом и компот из свежих фруктов.

– Это что на тебе надето, скажи на милость? – спросил дядюшка, удивленно разглядывая Милу.

– А что такое? – Мила уселась за стол. – Ты что-то имеешь против удобных широких шорт и майки-алкоголички? Это сейчас очень модный стиль – «а-ля унисекс».

– Понятно. Алкоголичка, значит, – недовольно прищурился дядюшка. – Так вот, ты сейчас же пойдешь и снимешь одежду алкоголика и наденешь на себя что-нибудь приличное. Иначе я тебя за стол в таком вульгарном виде не пущу.

– Хорошо-хорошо, – не стала спорить Мила. – Я переоденусь, если уж тебя это так коробит.

Она поднялась к себе и надела первое, что подвернулось под руку, – свободный легкий сарафан на узких бретельках цвета морской волны.

«Какой он стал капризный, однако», – думала Мила, больше удивленная, чем обиженная, дядиным возмущением.

Она сбегала вниз, дядюшка окинул критическим взглядом новый наряд и удовлетворенно хмыкнул:

– Ну вот, совсем другое дело. Что может быть сексуальнее простого русского сарафана?

– Тебе так важно, чтобы я выглядела сексуально?

– Мне важно, чтобы ты не выглядела как алкоголик.

– Да, кстати. Этот «русский сарафан», как ты его называешь, – наряд из последней коллекции известного французского дизайнера. Это так, между прочим, – сказала Мила, уплетая за обе щеки суп из черники.

– А у него что, ума не хватило, чтобы придумать что-то свое, раз он позаимствовал идею старинного русского сарафана? – отвлекся от борща дядюшка. – Вопрос риторический. Тоже – так, между прочим. Хотя пусть лучше так, чем «унисекс», когда женщины в такой одежде не только становятся мужиковатыми, но и напоминают алкоголиков. А мужчины, наверное, наоборот, – ведут себя в этой одежде по-бабы и выглядят как женщины-алкоголички.

– Дядюшка, ты в этой своей деревне совсем одичал. Искусство и мода усердно поддерживают и развивают тенденцию одежды «унисекс».

– Ах даже вот как! Не только поддерживают, но и развивают! А они, законодатели этой стирающей все половые признаки моды, хоть понимают, что чем меньше разница между мужчиной и женщиной, тем меньше здорового влечения друг к другу? И как тогда детям на свет прикажешь появляться? Ведь это же полное и самое циничное вырождение. Да разве способны мужеподобная женщина и женоподобный мужчина на рождение детей?

– Значит, по-твоему, одежда должна быть сексуальной? Если скажешь «да», ты самый продвинутый представитель старшего поколения.

– Да! – уверенно произнес дядюшка.

– Я всегда знала, что ты у меня не такой, как все эти вечно брюзжащие на молодежь старички.

– Да, – повторил дядюшка. – Но не все так просто. Одежда с откровенной сексуальностью излишне возбуждает у мужчин сексуальный аппетит. А женщин вынуждает заикливаться на животном инстинкте. О каком рождении детей тут можно говорить?

– Ты сам себе противоречишь. Даже животные обладают сексуальным чувством, которое появляется для спаривания и продолжения потомства. Разве не так?

– Конечно, так. Но оно у них появляется раз в году. А человек спаривается постоянно.

– Но это же здорово! Чем больше, тем лучше.

– Если мужчина начнет кидаться на все, что движется, он растеряет драгоценную энергию и ему скоро придется забыть о продолжении рода.

Мила доела супчик и с интересом разглядывала форель, которую собиралась хотя бы попробовать. Желудок, совсем отвыкший от жидкой пищи, так обрадовался этим нескольким ложкам живительной влаги, что принял их за

лекарство, и Мила тут же почувствовала, что боль нутра, мучившая ее в последнее время, растворилась. Ей это так понравилось, что она незамедлительно приступила к форели.

Маняша, наблюдающая из кухни, не могла нарадоваться. На вечер она собралась приготовить наивкуснейшую дичь, от которой капризная наследница также не сможет отказаться. Глядишь, за пару дней и удастся приучить Людмилочку к нормальной еде.

– Бедные женщины, – уплетая грудинку под соусом, сетовал дядюшка. – Что такое сегодня настоящая модель? Сплошные извращения в фигуре, – пустился он в пространные рассуждения, которые Милу совсем не напрягали.

Пусть говорит: разве можно обижаться на дядюшку, который наконец-то дождался свою любимицу и теперь хочет поделиться с ней мучающими его вопросами.

– Ну как могла возникнуть мода на бесполое существа – женщин-мальчиков с плоской фигурой без груди, или с грудью из силикона, да еще безо всякого намека на бедра! Вот и вышагивают гордо по подиумам всех стран женщины-мальчики, прививая молодежи дурной вкус, смущая и без того некрепкие умы современных девушек, которые добровольно сидят на самых немыслимых диетах, теряя нормальный вес, собственную непосредственность и неповторимость. Заодно свое здоровье и привлекательность. А все почему?

– И почему же? – ехидно вторила Мила.

– А потому, дорогая, что современные модельеры на редкость большие лентяи. Им легче нарядить палку без половых признаков: на ней все хорошо висит. Как на вешалке. И не надо напрягаться по поводу причудливых изгибов женской фигуры, так старательно обозначенных заботливой природой-матушкой, истинной ценительницей красоты. Вешалка – вот самая идеальная модель, воспеваемая гонимыми за барышами торговцами модой. Вернее, ее спекулянтами. И больше половины особей женского пола срочно садится на просто немыслимые по своей извращенности диеты, чтобы изувечить свои природные формы, выжать из организма все возможное и невозможное для главной цели в жизни – соответствовать!

– Дядюшка, ты очень даже ошибаешься.

– Вовсе нет! – раскипятился дядюшка. – Современная мода для вешалок и личностей без половых признаков, внедрение в умы надуманных канонов красоты – разве это не насилие над телом женщины, над ее душой? А вот одеть удачно настоящую женщину у них ума не хватает. Если же не получается, то они считают это невозможным. А если сие невозможно, значит, неосуществимо и невыполнимо. Так чего зря стараться-то? Да разве можно русскую красавицу ставить в один ряд с западными девушками! Как можно равнять худосочных щупленьких иностранок и наших статных и величественных королев, которые – кровь с молоком? У них ведь даже физиология разная!

– На вкус и цвет... – не договорила Мила, глядя на изумительно пахнущие жареные шампиньоны и мучительно соображая, не следует ли ей испробовать хотя бы один грибочек, ведь не зря же говорят, что аппетит приходит во время еды.

– На какой вкус? Ты где это вкус увидела? Мужчины не собаки, на кости не бросаются.

– Еще как бросаются. Сама видела.

– Значит, они не мужчины, а собаки. Ну ладно иностранцы, которые мыслят только денежными категориями. С них и спрос короткий. Но почему наши-то модельеры так ненавидят женщин, что непременно хотят сделать их похожими на худосочных анорексичных иностранок?.. Не иначе, у них в детстве были большие проблемы с родителями. Особенно с матерями, – сделал вывод дядюшка. – И теперь они категорически отрицают всю женскую сущность. А заодно и самих женщин, пытаясь превратить их в каких-то куклообразных уродцев, так как сами уже давно переродились из мужчин в нечто среднего рода без половых признаков. Вообще-то это их личное дело. Но зачем они навязывают свои извращенные вкусы нашим мужчинам, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не примут кем-то надуманных канонов красоты?

– Еще как принимают! – заявила Мила.

– Ерунда! Их просто поставили перед фактом и даже не спросили, какие им женщины больше нравятся. Да разве можно нашего мужчину от дородных

красавиц отваживать? Рожать-то – кто будет?! Ведь вымрем же скоро! Как мамонты. Когда же мы научимся свое-то не хаять, а, наоборот, прославлять да гордиться тем, что имеем? А все – влияние тлетворного Запада. Подзабыли они историю-то, ох, подзабыли! А ведь русский народ – самый непокорный, его не так-то просто извести. Да и вообще невозможно. Поэтому как бы они ни старались навязывать нам свою моду, свои нравы и свое образование, как бы ни перевирали историю, ничегошеньки-то у них не получится!

– И кто же им помешает? – усмехнулась Мила.

– Народ помешает. Ты, я, он, она, вместе – целая страна. Природу, знаешь ли, не обманешь. Силиконовые груди и губы убивают в мужчине всяческое сексуальное влечение. Я говорю о нормальных мужчинах. Если при этом в душе женщины еще и пустота, она мигом превращается в резиновую куклу. А так как вся энергия женщины уходит на погоню за внешней красотой, на рождение ребенка сил уже не остается.

– Ну ты, дядюшка, даешь!

– Я-то – даю! А вот чем занимаешься ты? Не подскажешь, почему нынче личная жизнь знаменитости? – уставился он на племянницу.

«Вот и до меня добрался», – подумала Мила.

Глава 4

Битва теней

– Каковы успехи по оглуплению многострадального телезрителя и не менее многострадального читателя твоей желтой газетенки? Неужели ты не понимаешь, что занимаешься сплошной дебилизацией молодежи, бессовестной пропагандой самых низменных человеческих чувств и возвеличиванием фальшивых ценностей?

– И невольно пожалеешь, что нет цензуры, – ехидно заявила Мила, всплеснув руками. – Так, что ли? А ты вспомни, кто цензорами-то был – вся партийная элита общества, которая сама вела гламурный, богемный образ жизни, полный излишеств и разврата. Но зато за народом всевидящее око компартии пристально следило и развращаться ему не давало. Поэтому народ шел «правильным путем».

– Ты палку-то не перегибай. Наш народ с правильного пути не собьешь.

– Какого пути – к победе коммунизма, что ли?

– Ты коммунизм-то не трогай: не по Сеньке шапка... Хотя здесь ты права, – вздохнул дядюшка. – Перекосов было хоть отбавляй. И главный перекос – то, что позиция Православной церкви оказалась значительно ослаблена. Вот и ринулись в Россию всякие нехристи. Чтобы обратить народ наш в свою сектантскую веру. Главная их цель – зомбирование, духовно-психическое подавление и подчинение нашей молодежи.

Дядюшка замолчал, и Миле показалось, что тема исчерпана, она даже немного расслабилась. Но не тут-то было. Главные вопросы дядюшка оставил на десерт.

– Кому ты служишь, девочка моя? Ведь они в первую очередь ненавидят нас за то, что именно в России сохранилась православная вера, которую поддерживает наш народ. Именно она, вера наших предков, учит любви к Родине, своим близким, делает нас нравственными и культурными. А кому молишься ты – золотому тельцу? Всякие бездуховные и аморальные личности глумятся над самыми священными для нас понятиями – честью, совестью, верой, надеждой и любовью... А что заявила в своем недавнем интервью ты? Забыла? Так я напомним: «Мила Миланская – ум, честь и совесть нашей эпохи!» Мне стыдно за тебя. Вот уж не думал, что ты у меня моральная уродка.

– Ну вот, ты тоже перешел на жаргон Интернета, где меня хлещут и в хвост и в гриву, – недовольно поморщилась Мила.

– А с тебя как с гуся вода. Вернее, с гусыни. Так напрасно. Интернет – не только нужная информация или средство занять себя чем-то от безделья. Интернет – это тайные мысли тех, кто не решается высказать их вслух, но может с успехом объявить о них. Хорошо, если за тайными мыслями твоих врагов не последуют

явные действия.

– Да хватит меня пугать-то! Я в состоянии расправиться со всеми своими врагами, – напыщенно заявила Мила. – И никому не позволю над собой издеваться. Ни один насмешник не уйдет от расправы. Всех своих врагов уничтожу!

– Ты уже уничтожаешь. Только не врагов, а нашу бедную и одураченную тобой молодежь. Зачем ты души-то человеческие калечишь, зачем людей против себя настраиваешь? Ведь не все захотят это терпеть. И тогда тебе несдобровать. С огнем ты, моя девочка, играешь. И силы этого огня не осознаешь. Как бы тебе самой в нем не сгореть! Прости меня, Господи, за такие чудовищные мысли! – произнес дядюшка и перекрестился.

Он встал из-за стола, что означало: обед закончен, и направился к камину. Мила поплелась за ним.

– Давай-ка мы с тобой у камина посидим, полюбуемся на огонь, который и греет, и нервы успокаивает, – предложил он и расположился на роскошном диване, Мила уютно устроилась в огромном мягком кресле. – И все-таки, как ни крути, а раньше было больше счастливых людей, меньше ненависти и зависти. Но мы тогда не понимали, что уже живем в прекрасном светлом будущем.

– Потому что почти все были одинаково бедными, за исключением немногих, – подхватила Мила. – Помнишь, каким способом решалась задача – как сделать всех счастливыми? Чтобы все несчастные могли почувствовать себя счастливыми, нужно уничтожить всех счастливых. А чтобы бедные могли почувствовать себя богатыми – уничтожить богатых. Нормально, да? Общество во все времена делилось на элиту, которая попирает все законы, и униженный народ, который от элиты зависит, перед ней пресмыкается и ей поклоняется. Ничего не изменилось. Народ и сейчас ничего не решает. Потому что решают за него. Не спрашивая ни его мнения, ни его желаний. Да и о каком народе ты говоришь? Это или алкоголики, или те, кого, кроме собственного корыта и сплетен о звездах, ничего не волнует.

– Поэтому ты пропагандируешь в своих телепрограммах образ жизни так называемых сливок общества, возомнивших себя творцами нового времени, где процветает полная свобода бессовестности и бесстыдства? Слышишь приставку

к этим словам? И слова эти, и их значение – все от лукавого. Молодежь тревожится о своем будущем. А что предлагаешь ей ты – развратные пошлые телешоу с отвратительными криками, руганью, а также самыми низменными и порочными людскими страстишками? Скажи, дорогая, а ты по ночам-то хорошо спишь? Зеленые человечки не снятся? Тебя надо спасать, пока не поздно. И я знаю как: изолировать от общества! На время. Пусть люди от твоего так называемого творчества немного отдохнут.

– Интересное кино! И как же ты меня собрался изолировать?

– Очень просто: отвезу тебя в какую-нибудь глушь. В деревню, к тетке. И брошу там. На первый раз – ненадолго. Не справишься – срок выберу подольше.

– У меня нет никакой тетки.

– Значит, отвезу к чужой.

– Размечтался! Не буду я жить ни в какой глуши. Сбегу в первый же день.

– А я найду такую глухомань, из которой не сбежишь.

– Ну, помечтай, помечтай. Такой не бывает. Плохо же ты меня знаешь, если думаешь, что я позволю так с собой обращаться.

– Скажи честно: зачем тебе все это?

– Дядюшка, ты не понимаешь. Это же только шоу. И ничего больше.

– Вот спасибо, успокоила старика! Благодаря твоим шоу молодые становятся душевными инвалидами. Вот что ты им предлагаешь? – спросил дядюшка Милу и сам же ответил: – «Хочешь, чтобы тебя услышали – громче всех крикни. Хочешь, чтобы тебя увидели – выше всех прыгни. А хочешь, чтобы тебя запомнили – оголяйся «по самое не балуй» и постоянно, по всякому удобному и неудобному поводу, устраивай грандиозные скандалы. И тогда можешь считать, что живешь не зря, что твоя жизнь удалась!» Так, что ли?

– Все правильно. Хочешь хорошо устроиться в этой жизни – приспособляйся.

– И молодежь воспринимает твои передачи и эти постулаты бесящейся с жиру прослойки общества как руководство к действию. Да-а, слишком долго было «нельзя». А когда стало «можно», наружу вырвалось все: от несомненного таланта до откровенной бездарности, от долго скрываемого желания высказать наболевшее до обливания помоями, наветов, сплетен и пересудов, которые сейчас называются «свободой слова».

– Ты забываешь о рейтинге, который и диктует направленность телепередач. Смотреть или нет – выбор каждого.

– Да глупости все это! Людям выбирать не из чего, а ты говоришь о каком-то рейтинге. Думаешь, я не догадываюсь, в чем дело? Наиболее популярной озвучивается программа, которая больше всех отвечает задачам уничтожения нашей культуры и насаждения чуждой нам. И тогда там, за бугром, вас, оборотней и нехристей, похвалят, по головке погладят и денежку дадут. Вот тебе и весь рейтинг... Скажи, Людмилочка, а тебе не жалко людей, которые смотрят твои передачи?

– Наш народ заслуживает своего телевидения. Что заслужил, то и получи.

– Эх, хватила! Народ у нее виноват!

– Разумеется. «Mundus vult decipi, ergo decipiatur» – «Мир желает быть обманут, поэтому пусть же он будет обманут». Телезрители смотрят то, что хотят увидеть, поэтому и заслуживают показываемых им зрелищ. К тому же публику можно приучить к любому телешедевру. Надо только его сначала умело разрекламировать, подать как нечто захватывающе привлекательное и чаще показывать. Привыкнут как миленькие, никуда не денутся. Сейчас много фирм, которые за деньги из любой замарашки сделают звезду, из любой песни – хит, из любой программы – событие. Публика ленива, сама не в состоянии что-то решать и выбирать. Даже смеяться скоро разучатся, вот и приходится подсказывать, навязывать, убеждать и заставлять смотреть то, что нужно нам, умным и продвинутым. А что касается народа, так его – уж поверь мне! – можно ко всему приучить, было бы желание. И главное при этом – делать очень умный вид, что так и должно быть, а никак не иначе. Он, бедолага, к любой позе привыкнет, в какую его ни поставь, – уверенно закончила тираду Мила.

Дядюшка вмиг побагровел, выпучив на племянницу глаза.

– Прекрати немедленно! – вскрикнул он. – Фу, Людмилочка, какая гадость! И как только у тебя язык поворачивается говорить этикие мерзости про свой народ! Кем это ты себя возомнила? Где и от кого нахваталась этого паскудства и вульгарщины?.. Хотя я знаю от кого. Это все тот змей-искуситель, политик-интриган Троянов, которого ты выбрала в друзья, но который – и ты это сама прекрасно осознаешь – является самым злейшим твоим врагом. Потому что учит тебя всяким непотребствам.

– Ничему плохому он меня не учит. Сейчас жизнь такая: или ты, или тебя...

– Нет, ну вы только поглядите на нее: она опять за свое!

– Но ведь ты и сам когда-никогда выражаешься, – перевела стрелки Мила.

– Глупости! То, что иногда произносит мужчина сгоряча, не подобает повторять девушке, истинной женщине.

– Хорошо-хорошо, я больше не буду. Извини, – сказала примирительно Мила и подумала о том, что если бы дядюшка только краем уха услышал, о чем и в каких выражениях говорят в ее кругу, то депрессия его по поводу нравов, царящих в обществе, возросла бы многократно.

– Не пойму, что с тобой творится в последнее время. Ты теперь совсем не похожа на себя. Из тебя просто лезет всякая нечисть... Не водись с ним больше! Затянет он тебя в свою трясину лжи и обмана, охнуть не успеешь. А ты хоть знаешь о том, что телевидение через зрительные образы влияет на генетический код? И если использовать его в дурных целях, как это делаешь ты, становится мощнейшим оружием массового поражения! Да тебя за бугром просто на руках должны носить за подобную массовую дебилизацию нашей молодежи.

– Какие глупости ты говоришь! – возмутилась Мила. – Ты сам-то хоть слышишь себя?

– Я-то слышу. А вот ты у меня, видно, совсем оглохла или разум потеряла. Если не ведаешь или не хочешь ведать о том, что о тебе говорят и думают. Неужели ты действительно веришь, что всех молодых можно сделать послушным стадом? Жалко мне тебя. Потому что в твои сети попадают только необразованные и

слабоумные. Активной молодежи, которая не считает богатство главной ценностью и духовно развивается, становится все больше. И скоро ты окажешься с этой передовой молодежью по разные стороны баррикад.

– Никогда этого не произойдет! Твоя передовая молодежь, в которую ты так веришь, всего лишь плод воображения. Тебе просто очень хочется, чтобы так было. Но этого нет. Твои фантазии так фантазиями и останутся.

– Ты будешь объявлена персоной нон грата, изгоем. Что тогда станешь делать? – продолжал дядюшка, не слушая племянницу. – Или надеешься, что на твой век дураков хватит? Ведь только для них ты готова тратить свой талант, который у тебя, несомненно, есть, ум и знания, которых у тебя больше, чем у всех, вместе взятых, зрителей, смотрящих твои телешоу. Незавидную же роль ты для себя выбрала – развлекать дураков. Смотри сама в дураках не окажись. Кто роет яму другому, рискует сам в ней оказаться... Хотя если ты действительно делаешь это для заграницы, чтобы выслужиться перед ней и в дальнейшем устроиться за бугром на постоянное место жительства, то тебя можно понять. Ведь здесь, в России, ты только деньги зарабатываешь, а жить-то, по всей видимости, не собираешься, если так гадишь?

– Ты не прав. Мне и здесь хорошо.

– А отчего тебе хорошо-то? Людская ненависть нервы щекочет? Тогда ты – моральная извращенка. Извини за грубость, конечно, но другого подходящего слова просто не могу найти, – дядюшка пожал плечами и задумался. – Сейчас молодые поневоле пытаются сравнивать свою жизнь с жизнью родителей, дедушек и бабушек, всерьез начинают интересоваться советской эпохой. Нашу молодежь, как воробья на мякине, не проведешь. Она явно начинает уметь. И я верю в нее. Она, в конце концов, сделает правильный выбор. А вот таких оборотней, как ты, будет поганой метлой сметать со своего пути. Жаль мне тебя. И себя тоже. Потому что именно я воспитал такого безжалостного и циничного монстра, как ты. Это я виноват, что ты у меня такая непутевая. Это я! – вздохнул дядюшка и понуро склонил седую голову.

– Неужели ты серьезно думаешь, что мне позволят заниматься нравственным воспитанием молодежи? – Мила с грустью посмотрела на наивного родственника. – Индустрия развлечений, загребаящая миллиарды на людских пороках, не даст мне измениться. Сейчас немодно быть добропорядочной. Простая деревенская девушка только тогда станет Милой Миланской, когда

забудет, что такое мораль. Все сегодняшние стенания звезд по поводу морали, нравственности, правил поведения висят у них между ног. И никому даром не нужны мои морально устойчивые и высокодуховные телепередачи, если я не буду шокировать публику, раздвигая ноги на ее потребу.

Дядюшка даже руками всплеснул:

– Опомнись! Ты чего мелешь!

Но Милу уже не остановить. Дядюшка хотел правды – пусть получает.

– Если я перестану тешить публику своими мерзкими выходками, она тут же выберет себе другую королеву. Меня же объявят персоной нон грата, раскритикуют в хвост и в гриву, осудят во всех средствах массовой информации и с позором «отправят на пенсию». Та же самая молодежь, о которой ты так печешься, первая закидает меня камнями. Ты думаешь, им от меня нужны нотации на тему морали? Им нужны мои деньги и мои возможности. Мои советы, наконец, как можно стать такой, как я, чтобы превратиться в настоящую Милу Миланскую. Ложка, как известно, дорога к обеду, а питаться одной нравственностью и моралью наша молодежь пока не собирается. А потому она меня с моей высокоморальной ложкой пошлет так далеко, куда Макар телят не гонял. Так что, дядюшка, не все так просто. Не все так просто...

– Ах, Людмилочка, девочка моя, ты говоришь страшные вещи. И на что же ты тратишь свое драгоценное время, свою драгоценную жизнь. Не водись с ним больше! Я тут справки о Троянове начал наводить, но и без этого чувствую: страшный он человек, а может, и не человек вовсе, а оборотень.

– Хорошо, не буду, – улыбнулась Мила.

– Вот и славно! Я знал, что ты у меня умница. Только почему-то изо всех сил стараешься быть хуже, чем есть на самом деле. Ты уже растворилась в обмане, фальши, заигралась: надела маску и самостоятельно ее снять не можешь. А главное – не хочешь в этом признаться. Так ли уж важны тебе твои победы? Не понимаю, зачем кому-то портить жизнь, если можно наладить свою.

– Дядюшка, ты напоминаешь мне заезженную пластинку, застрявшую на одной дорожке. Не забыл, что у тебя послеобеденный сон? Ты давно клюешь носом.

Заговорила я тебя совсем. Или ты меня. Я тоже пойду отдохну. Может, почитаю что-нибудь. Забыла уже, когда книгу нормальную в руках держала.

Мила поцеловала в лоб засыпающего на диване дядюшку и поднялась к себе в спальню. Через пять минут, приняв для верности успокоительное, которое теперь всегда носила с собой, она уже крепко спала с любимой книгой в обнимку.

Глава 5

И сладкий сон, как грезы наяву

Мила спала, улыбаясь, и видела себя совсем маленькой, сидящей за столом и с удовольствием уплетающей самый вкусный на свете пирог – с яблоками. Сладкий сок начинки стекал по подбородку и рукам. Она, то и дело причмокивая, облизывала губки и каждый пальчик в отдельности.

Ах, какая же это вкуснятина! Маленькая Мила даже глаза в блаженстве зажимивала. Рядом стояла мамочка, молодая роскошная шатенка с красивейшими длинными ухоженными волосами и огромными зелеными глазами. Она с любовью и нежностью, но в то же время и с нескрываемой тревогой смотрела на Милу и ласково гладила ее по голове.

«Милочка, у тебя волосики растрепались, ты их причеши», – заботливо говорила мама, перебирая густые и длинные, как и у нее самой, каштановые волосы дочери и целовала в макушку.

«Какая ты, мамочка, странная, – отвечала важно Мила. – Не видишь, что я занята: пирог ем. У меня же пальчики сладкие и липкие. – В доказательство своих слов она выставляла вперед маленькие ручки, широко растопыривая измазанные соком пирога тоненькие пальчики. – Вот видишь теперь, какая я сладкая? Ты сама меня причеши», – рассудительно отвечала Мила и звонко смеялась, так как ласковые прикосновения матери ее щекотали.

«Милочка, девочка моя дорогая, я больше не могу тебе помочь, потому что я умерла. Ты сама должна распутать свои волосики, – продолжала уговаривать Милу мама. – Это очень важно, чтобы ты сама все сделала. Очень-очень важно, поверь мне! Тебе нужно об этом постоянно помнить», – мягко, но настойчиво повторяла она.

«Какая ты смешная, мамочка, – радовалась совершенно счастливая Мила. – Ты у меня самая красивая, ты у меня самая любимая и еще ты у меня – самая живая. Я же вижу тебя и сейчас крепко-крепко расцелую».

Маленькая Мила аккуратно положила в тарелку остатки пирога, проворно вскарабкалась на стул, на котором только что сидела, размахивая ножками в красных туфельках, и бросилась матери на шею, крепко обнимая и целуя в губы, глаза, нос, щеки, пачкая ее лицо и волосы сладким соком пирога:

«Вот как я тебя люблю, крепко-крепко! Я – твоя милая Мила, а ты – моя милая Мила. Мамочка, а хочешь, я тебе свой секрет расскажу?»

«Конечно, хочу!» – улыбалась мама, с любовью глядя на дочь.

«Знаешь, какие у меня самые любимые-прелюбимые цветы?»

«Какие же?»

«Желтые розочки», – зашептала в ухо матери девочка.

«Почему?» – также шепотом спрашивала мама.

«Потому что они похожи на маленькие солнышки. И светятся, как солнышки».

«Это ты мое солнышко! – с нежностью гладила по голове ненаглядную доченьку мама. – И это ты светишься, как солнышко».

«Правда-правда?! А разве можно светиться, как солнышко?»

«Можно. Когда очень-очень любишь».

«Значит, мы с тобой солнышки, раз очень-очень любим друг друга?»

«Значит, солнышки».

«Ой, мамочка, какие же мы с тобой смешные! Ну разве могут быть два солнышка?»

«Могут. У каждого человека в душе свое солнышко».

«Прямо-прямо у каждого?!»

«Нет. Только у того, кто любит».

«Как хорошо, мамочка, что мы любим друг друга. Теперь мы с тобой два солнышка. А если еще кого-нибудь полюбим, то нас будет много-много солнышек. Вот здорово! Я всех-всех буду любить, правда-правда», – уверяла она маму, нисколько не сомневаясь, что так и будет.

«Королевна ты моя, – ласково, но с грустью говорила та. – Люби весь мир, и пусть эта любовь принесет тебе счастье! Потому что нет ничего важнее на всем белом свете, чем любовь».

Они стояли в обнимку, мама и дочь, липкие, сладкие и счастливые, и никак не могли оторваться друг от друга.

Ощущение удивительной беззаботности и непоколебимой уверенности, что тебя бесконечно любят и будут любить вечно, охватило Милу, смотрящую на происходящее словно со стороны, и в то же время чувствующую себя маленькой счастливой девочкой, млеющей от нежных прикосновений матери. Удивительный мир грез, где тебя любят, где ты нужна. И так хочется вернуться в счастье!

По щекам обильным потоком хлынули слезы умиления и радости, очищения и надежды, благодарности и умиротворения. Вытирая их ладонями, Мила поневоле начала просыпаться. Попыталась было воспротивиться пробуждению, старательно вызывая образ матушки, покинувшей ее в детстве, но тщетно: сон безвозвратно ушел в темные глубины расплывчатых воспоминаний.

Мила наслаждалась остатками чудного видения и охватившим ее блаженством. Лежа с закрытыми глазами и радуясь возможности вновь окунуться в счастливое детство, вдруг почувствовала неизвестно откуда взявшуюся тревогу, которая постепенно увеличивалась, наполняя ее неведомым страхом и оставляя неприятный осадок безысходности.

Ум все еще дремал, но подсознание, которому она очень доверяла и слабый шепот которого, видимо, сейчас и услышала, о чем-то настойчиво предупреждало.

Мила затаила дыхание и прислушалась. Непривычная и совершенно невероятная тишина, густая и плотная, заполнила пространство вокруг. Ни звука, ни шороха, и только настойчивый запах яблочного пирога упорно витает в воздухе, словно не желая отпустить из плена сна. Запах настолько явный, что Мила невольно принохивается, расслабившись и упорно не желая открывать глаза, как это обычно бывает, когда снится что-то очень приятное и совсем не хочется просыпаться: жалкая попытка продлить ощущение счастья.

Разум и сознание наконец очнулись от сладких видений, и Мила снова обрела способность к восприятию действительности и осознанному мышлению. Однако глаза не открывала, упрямо сопротивляясь возвращению из прекрасной сказки своего детства, где все так счастливы, здоровы и... живы.

Каким-то странным образом запахи из прекрасного сна переключались в реальную действительность. Мила удивилась такой странной метаморфозе сонных видений в реальный мир и попыталась вспомнить, по какому же все-таки поводу сей волшебный пирог? И почему ее не покидает необъяснимая тревога?

Мила чувствовала, что совсем не выспалась, однако уснуть уже не удастся. А потому, чтобы оправдать – перед собой, любимой, конечно, – нежелание вставать еще какое-то неопределенно продолжительное время, позволила своему деятельному, ужасно работоспособному и уже окончательно проснувшемуся уму быть самостоятельным и порассуждать на интересующие ее темы. Например, о пироге и беспокойстве.

Словно наблюдая со стороны, она прислушивалась к текущим сквозь нее мыслям, посылаемым добросовестным и старательным умом. Все думы и мечтания, как всегда, были о самом дорогом на свете и самом любимом человеке

– о ней самой. Да и как можно думать еще о ком-то, если существует она, Мила Миланская, звезда первой величины, королева всех звезд, единственная и неповторимая царица великосветского мира, такого прекрасного, жестокого, капризного и эгоистичного. Она неустанно прославляла себя, любимую, на собственном телеканале и в глянцевых журналах, а также очень удачно компрометировала – в собственной желтой газете.

Неповторимая и всеми признанная Мила Миланская – известный продюсер, очаровательная и умная телеведущая, а также самобытная актриса и неплохая певица, иногда выступающая с самыми известными модными кумирами эстрады. А еще – писательница скандальных, а потому ужасно популярных романов. Не важно, что те больше походят на сплетни, домыслы и откровенные клеветнические измышления о сильных мира сего. Ведь понятно же, что никто в наше время не станет читать о простых смертных, ничего собой не представляющих и ничегошеньки в своей жизни не добившихся.

Но главное – сказочно богатая бизнес-леди, счастливая наследница и самая завидная невеста. А все – почему?

«Да потому, что стерва конченная, – мысленно прервала Мила блистательные упражнения своего подобострастного и несколько подхалимистого ума. – Иначе в этой ужасной и в то же время прекрасной жизни так и останешься лузером. В лучшем случае тебя просто не заметят, в худшем – раздавят и уничтожат. Только настоящая стерва может рассчитывать на бешеную популярность, так как без перчинки ты никому не интересна. Публика требует крови, грязи, скандалов и разврата. В хорошем, конечно, смысле этого слова».

Хотя что может быть хорошего в разврате? Но на вкус и цвет... Алчущая публика получает все эти зрительные и слуховые удовольствия сполна, мечтая при этом о богатстве, красивой светской жизни, как у звезд. Поклоняясь им как кумирам, завидуя и ненавидя одновременно, так как чужая слава и чужое богатство всегда и всем глаза колют и слепят. Хотели получить стерву – так получайте! И наслаждайтесь.

«О времена! О нравы! – продолжил ум поток рассуждений. – Если прежде слово «стерва» было бранным и означало низкую в нравственном отношении, подлую, непорядочную и бесчестную особу – негодяйку, одним словом, – то теперь довольно значительные группы женщин различных слоев общества мечтают, просто горят диким неодолимым желанием стать стервами».

«Или хотя бы называться ими», – подсказала Мила.

«Да-да! И все потому, что в настоящее время стерва – бренд, сложившийся имидж успешной и самоуверенной женщины, которая знает себе цену и умело использует в своих интересах других людей».

«Особенно мужчин!»

«Еще бы! Это довольно циничная особа, живущая по своим собственным законам, придуманным для удовлетворения всех ее прихотей и желаний. Самобытная личность, не признающая никаких этических норм поведения, не гнушающаяся никакими способами достижения желаемого, вплоть до предательства, подкупа, шантажа, подлога, серьезных интриг и невинных интрижек, а также сплетен и злословия, мастерство которого оттачивается постоянно...»

«Пирог-то – откуда?» – прервала Мила ненаучную дискуссию своего ума, направив его усилия в нужное русло.

«Итак, откуда взялся пирог? – немедленно подхватил ум и продолжил свои рассуждения. – Яблочный пирог – как чудное воспоминание о счастливом детстве – позволяется только в особых случаях. Это в первые дни приезда к дядюшке, когда она балует себя малюсеньким кусочком, а также в день своего рождения, когда исполняет любые свои желания».

«И это – все?!»

«Пирог приходит на помощь также при возникновении какой-либо неразрешимой стрессовой ситуации, против которой всегда наготове весомый и безотказный аргумент в виде большого, если позволяет вес, и не очень, если не позволяет, куска яблочного пирога. Разумеется, вприкуску с твердым убеждением, не требующим никаких доказательств, что безвыходных ситуаций не бывает в принципе. Надо только сесть, все хорошо обдумать, и решение непременно отыщется».

«А что теперь-то?»

«М-м-м... – замялся ум. – Теперь, похоже, уважительная причина для поедания пирога-праздника или пирога-утешения отсутствует напрочь».

«Откуда это неприятное и тревожное ощущение, что я что-то забыла? Что здесь не так?» – попыталась Мила заставить рассуждать ум о том, о чем тот категорически не любил разглагольствовать. А именно – о подсознании, которое всегда считал своим конкурентом, вот и старался заглушить его чрезмерной громкостью и потрясающей – разумеется, на его собственный взгляд – логикой.

Мила лежала недвижно, пытаясь услышать хотя бы шепот подсознания по поводу выкрутасов памяти, но оно упорно молчало, так как самоуверенный, наглый и деятельный ум уже вступил в свои права и не оставил конкуренту ни единого шанса, чтобы хоть как-то себя проявить.

Беспокойство усиливалось, но вставать все равно не хотелось. Чувство слабости вдруг переросло в тупую боль. Даже мысли потекли как-то непривычно вяло, словно через силу. Неужели она заболела? Этого только не хватало!

Мила открыла глаза. Взгляд уперся в стену из неотесанных бревен, щели между которыми лохматились клочьями пакли. Мила растерянно огляделась: а где же ее роскошная спальня с дорожкой эксклюзивной мебелью?

Она изумленно взидала на маленькую убогую комнатенку с низким потолком, создающим ощущение давящего пространства. Единственное небольшое оконце, сквозь которое пытается пробиться дневной солнечный свет, задернуто ситцевой занавеской. Вся меблировка – неширокая деревянная кровать, на которой лежит Мила, да небольшой комод со стоящим на нем складным – трехстворчатой старинной иконой, а еще табурет, больше напоминающий маленький столик.

«Где я? Что случилось? Почему мне так плохо? Может, я попала в аварию и меня подобрали деревенские? Тогда почему не отвезли в больницу? И где охрана?! – Милу охватило злобное негодование. – Почему я до сих пор здесь! Уже весь мир должен броситься спасать меня, окружив вниманием и заботой. Безобразие: держать звезду в таком убожестве! Да как они смеют так со мной обращаться! Ну, они сейчас и забегают. Уж я им устрою красивую жизнь!»

Она откинула старенькое тряпичное одеяло и вскочила с кровати. Расстеленный на полу круглый половичок, связанный из тряпья, словно диск, завертелся под ногами, ставшими вдруг ватными. Мила рухнула на кровать как подкошенная, чувствуя тошноту и чудовищную слабость.

«Почему это со мной происходит? Я пострадала в аварии, заболела? Тогда почему нет рядом врача? Что за дикость!» – роем кружились в голове мысли, а перед глазамиплыли бревенчатые стены.

Она немного полежала, зажмурившись и успокаивая сознание, а когда присела, опустив ноги с кровати, не поверила глазам: ее прекрасные стройные холеные ножки превратились в немытые, исцарапанные конечности в ссадинах и без какого-либо намека на педикюр, который она только-только сделала! Переведя взгляд на руки, Мила увидела ту же картину: маникюр не только отсутствовал, под короткими ногтями было так черно, словно она голыми руками разгребала землю.

«Авария аварией, а маникюр-то где? Даже никаких следов. Мне что – ногти подстригли, а лак стерли? – не унималась она, понимая всю дикость заторможенных мыслей. – Жива – и хорошо... Но зачем же ногти-то стричь! Похоже, у меня сотрясение мозга».

Мила растерянно озиралась, не в силах сосредоточиться, так как головокружение от резкого подъема не проходило. Пришлось прилечь. Стало немного легче. Какое-то время она с испугом разглядывала и ощупывала себя, одетую в дешевенькую ситцевую рубаху: конечности – а как их еще назвать без маникюра-педикюра? – целы, кости на месте, никаких ран, только множество синяков и кровоподтеков. Снова принялась рассматривать комнатку и заметила небольшое зеркало на стене рядом с окном.

Желание немедленно увидеть свое отражение было так велико, что Мила, преодолевая слабость и тошноту, опираясь о стену, медленно добрела до зеркала и с опаской заглянула в него. Вместо прелестной очаровательной зеленоглазой золотой блондинки она, к своему ужасу, увидела странную особу с темными мешками под глазами, торчащими во все стороны неряшливыми волосами цвета лежалой соломы, а дикий затравленный взгляд покрасневших глаз и вовсе вселял ужас.

«Так я жива... или как? Вроде жива. Тогда почему на себя не похожа?.. О Господи! А волосы-то мне зачем было перекрашивать? Да еще в такой противный тон! Мало того, что я нахожусь в каком-то жутком сне, так я там еще и больная... Нет, это определенно не я! А как же авария? И аварии никакой не было. Я даже не помню, что ехала куда-то. Вот сейчас усну и проснусь в своей огромной роскошной кровати с шелковыми простынями. В своей великолепной квартире в самом центре столицы. Или в дядюшкином имении на худой конец... Нет, я все-таки еще сплю», – вяло думала она, устало пробираясь к кровати, на что ушли последние остатки сил. Лишь только голова коснулась подушки, Мила провалилась в глубокое и тревожное забытие...

Очнувшись внезапно и почувствовала, как сердце сжалось до песчинки: она вспомнила, она все вспомнила! Ее деятельный ум до мельчайших подробностей воспроизвел каждую деталь аварии.

Вот она мчится по дороге на бешеной скорости, то и дело поглядывая в зеркала и каждую секунду ожидая погони. И хоть позади никого, Мила знает, что преследователи совсем близко. Сквозь пелену слез она видит спасительную трассу, появившуюся сквозь деревья с еле двигающимся потоком машин. Ненавидимая прежде, теперь автомобильная пробка воспринимается как единственное спасение. Торопясь поскорее слиться с нею воедино, так как среди людей не так страшно, Мила прибавляет газу, и «Бентли» несется как угорелый, подчиняясь желанию хозяйки.

Внезапно из-за поворота появляется, слепя фарами, фура. Мила чувствует, как холодеют и скрючиваются от страха руки, крепко вцепившиеся в руль: откуда эта чужая машина на частной дороге? Водитель не мог не заметить шлагбаума с грозной табличкой «Проезд запрещен! Частные владения!» Что происходит? Может, удастся как-то разъехаться? Но выскочивший на бешеной скорости из-за фуры мотоциклист в черном шлеме мчится по встречной полосе, рассеивая все сомнения: поздно, все слишком поздно!

Мотоциклист, словно только что увидевший в нескольких метрах от себя опасность, резко тормозит, свернув влево, и стремглав, словно циркач, соскакивает с мотоцикла и скатывается кубарем в кювет. Мотоцикл юзом несется под колеса «Бентли».

Милу охватывает предательское равнодушие к происходящему: как же она устала сопротивляться непонятному. Да гори оно все синим пламенем! Апатия

мертвой хваткой вцепляется в разум, загнанный в ловушку, Мила смиряется и только наблюдает за происходящим.

Фура несется прямо на нее, даже не пытаясь объехать: столкновение неизбежно! Мила закрывает глаза и чувствует сильнейший удар. Ее, не пристегнутую ремнями безопасности, выбрасывает из машины. Раздается оглушительный взрыв, взрывающийся в воздух объятые пламенем машины, затем еще один с взметнувшимся к небу столбом огня и черного дыма. Сознание Милы меркнет...

И вот теперь она здесь... непонятно где. Мила услышала, как за закрытой дверью раздался стук, словно уронили что-то тяжелое, затем потащили по полу волоком. Ее объят такой дикий страх, что закружилась голова. Чудовищная слабость и тошнота отнимали даже способность членораздельно мыслить, а этот мерзкий сон все еще упорно продолжался.

Чтобы убедить себя в том, что она спит, Мила для верности принялась похлопывать себя и пощипывать. Как же больно, однако, прямо до слез! Но она не переставала себя истязать, так как еще больнее осознавать, что этот ее сон как-то уж слишком смахивает на явь. Милу пробирала насквозь леденящая душу паника от одной только мысли, что она может вообще не проснуться и остаться здесь навсегда.

За стеной что-то по-прежнему передвигали и перетаскивали. Затем наступила тишина. Кто-то крадучись подошел к двери и тихо стоял за ней, как бы прислушиваясь. Мила замерла от ужаса, боясь шевельнуться. Некто постоял, тяжело дыша и не заходя в комнату, и она услышала удаляющиеся шаркающие шаги. Мила перевела дух.

И чего так пугаться, ведь это лишь сон. Страшный, конечно, но ведь и она, Мила Миланская, известная стерва и дебоширка, просто так, без боя, тоже не собирается сдаваться. Раз это только сон, то чем хуже она будет вести себя, тем быстрее проснется. Уж Мила-то им тут устроит экстрим с картинками... Если, конечно, сил хватит.

Ну почему она такая больная в этом сне? Ах да, эта ужасная авария! Тогда почему к ней никто не спешит на помощь? Где «Скорая», где врачи? «Я вообще здесь, или меня здесь нет?» – сочилась Мила злобой на просто неслыханное к ее

важной персоне равнодушие.

А если они даже понятия не имеют, кто она? Иначе бы всю округу на ноги подняли, всю столицу на уши поставили, что такая звездная личность попала в аварию. Странно, почему до сих пор ее никто не хватился? Ведь если она все-таки выехала от дядюшки, чего совсем не помнит, то по приезде к себе домой они должны были созвониться: он спать не будет, пока не узнает, что его любимица добралась до дома благополучно. Теперь, наверное, уже разыскивает ее по всем дорогам. И скоро непременно найдет!

Что-то здесь не так... Да все здесь не так! Где телевидение, где пресса? Самая яркая звезда, достояние республики, можно сказать, попала в аварию, а вокруг ничего не происходит. Да вся страна уже на ушах должна стоять! А раз не стоит, значит... «Да меня же похитили!» – ошарашила ее новая мысль, и Мила почувствовала, как тело слабеет от ужаса, теряя остатки последних сил.

Между тем снова наступила тишина, и за дверью опять кто-то притаился. Мила даже дышать перестала, вытаращив от напряжения глаза. И вдруг дверь медленно и бесшумно начала открываться, впуская сладкие запахи яблочного пирога...

Глава 6

Суровые будни легкой жизни

Настырный луч полуденного солнца после многочисленных попыток таки нашел узенькую щель между плотно задернутыми шторами и засиял на белокурых локонах молодого человека с удивительно красивым лицом и прекрасным загорелым телом.

Юноша лежал на широченной кровати, застеленной белоснежным постельным бельем из тончайшего натурального шелка, совершенно голый. Он сладко спал здоровым крепким сном самоуверенного и знающего себе цену человека.

Неожиданный шум за дверью потревожил его, заставив проснуться и сменить позу. Теперь он перевернулся на спину, раскинув руки, невольно прислушиваясь и притворяясь спящим. Молодой человек знал: это пришла домработница Настя, одинокая тетка лет сорока, полноватая, но приятной наружности, всегда чистенькая, неизменно пахнущая выпечкой и какими-то другими умопомрачительными вкусами, а также влюбленная в него как кошка.

Видимо, приготовила его любимые блинчики с красной икрой и теперь скребется за дверью, жутко стесняясь войти, но при этом горя страстным желанием увидеть своего кумира в чем мать родила. Эта дуреха готова на все, только бы угодить ему, любимчику и красавчику, которого уважительно называет Кириллом Леонидовичем, несмотря на его юный возраст. Кирилла забавляло, что, глядя на него, она смущалась и ее щеки покрывал нежный розовый румянец. В эти минуты Настя походила на молодую деревенскую девушку, просто кровь с молоком, робкую, но довольно игриво настроенную, в общем – себе на уме.

Послышался тихий стук, но он не ответил. Тогда дверь бесшумно отворилась, и в проеме показалась голова домработницы. Настя, не отрываясь и затаив дыхание, смотрела на мужчину своей мечты, пытаясь запомнить каждую ямочку, каждый изгиб его идеального обнаженного тела.

Кирилл же, упиваясь тщеславием, наблюдал за ней сквозь густые длинные ресницы и наслаждался осознанием своей неотразимой привлекательности. Он вкушал благоговение Насти и испытывал удовлетворение оттого, что только одно созерцание его нагого тела делало как эту деревенскую тетку, так и практически всех представительниц слабого пола почти счастливыми.

Потешив свое эго, он пошевелился и вздохнул, делая вид, что просыпается. Настя бесшумно исчезла за дверью с пылающим от стыда лицом, но глаза ее светились от радости. Стоя за дверью и ожидая разрешения войти, она обмахивалась кипенно-белым передником, пытаясь скрыть следы всепоглощающей любовной страсти к этому нежному, юному и в то же время сильному и крепкому молодому самцу.

Совсем другие чувства домработница Настя испытывала к своей хозяйке, знаменитой Миле Миланской, этой богатой и удачливой стерве, которую ненавидела от всей души, желая ей всяческих бед. Правда, Насте хватало ума тщательно скрывать свои низменные чувства, а также главную причину

ненависти – зависть, умело прикрываемую преданностью, любовью и заботой.

Она мечтала о том времени, когда сможет отомстить этой отвратительной особе. За что? Да хотя бы за то, что она, умная, работающая и добрая Настя, которая мечтает быть любимой женой и любящей матерью, вынуждена работать прислугой у жестокой и бессердечной сумасбродки, сорящей деньгами направо и налево, живущей как ей заблагорассудится, попирая все законы бытия. Отомстить за то, что родилась в бедной семье и никогда ни от кого не получала никакой помощи и поддержки. За то, что совсем не красотка, а также за то, что у нее нет богатого дядюшки-олигарха, который оставил бы ей свои миллионы, хотя бы даже и в рублях.

Но больше всего за то, что она просто умирает от любви к милому Кирюшеньке, которого ее хозяйка взяла на роль очередной своей игрушки – любовника и мальчика для битья одновременно, а теперь издевается над ним ни за что ни про что. Настя знала, что рано или поздно Кирилл так же, как и все другие многочисленные жертвы Милы Миланской, будет безжалостно выброшен за ненадобностью из дома на улицу.

Пока домработница кусала губы от злости на хозяйку и острого желания снова наслаждаться предметом своего обожания, молодой человек открыл, наконец, глаза и обреченно уставился на лежащее рядом Нечто, которое было для него когда-то таким притягательным, необыкновенно соблазнительным и страстно любимым.

Это Нечто шлялось где-то целых двое суток. Он не заскучал бы, если даже Оно пропало на два года. Или совсем исчезло из его жизни. Как же хорошо он провел это время, лежа в кровати и мечтая. Хоть вдоволь отоспался. А теперь Оно взяло и явилось не запылилось.

Прошло всего пять месяцев, как они жили вместе, в квартире Милы. И столь короткого, на его взгляд, времени оказалось достаточно, чтобы эта чудесная, умная, образованная, интеллигентная и очаровательная – когда сама этого, разумеется, хотела – девушка умудрилась сделать все возможное и невозможное, чтобы вызвать у него чувство ненависти и брезгливости. А также огромное желание ее уничтожить.

«Не приближайтесь к своим кумирам – разочаруетесь», – вспомнил Кирилл где-то услышанную и так понравившуюся ему фразу, неприязненно разглядывая спящую рядом Милу. Найдется ли на свете бедолага, который сможет, узнав ближе, по-настоящему полюбить Милу как женщину, как человека, наконец? Уж Кирилл-то знает, какая колоссальная сила воли в сочетании с самым изощренным цинизмом заключены в этом худеньком от постоянных голоданий теле. Мила мечтала сохранить фигуру и выглядеть моложе, все-таки ей уже за тридцать.

А если она больна чем-нибудь, только скрывает? Например, анорексией. Это заразно или не очень? Кирилл брезгливо отодвинулся. Вот и славненько. Хорошую же она для себя выбрала смерть – от голода. И это при таких-то богатствах и изобилии!

Молодой человек отвернулся от так раздражающего его худющего тела, кулем лежащего рядом, и мечтательно закрыл прекрасные голубые глаза. Ему бы все ее деньги, уж он-то смог бы пожить в свое удовольствие.

Кирилл не стал бы мучить себя диетами и творческими потугами, изображая неординарную личность с многочисленными талантами. Он не жаждет ни сомнительной славы, ни скандальной известности, приносящих такую же сомнительную радость и не менее сомнительное удовлетворение больным на голову личностям.

Да, несомненно, он будет жить на широкую ногу. Но спокойно, не привлекая к себе особого внимания, никого не дразня и по возможности никого не настраивая против себя. Чтобы и капитал не отобрали, и самому в живых остаться.

Мила металась во сне, бормоча что-то нечленораздельное, вздрагивала и стонала. Видимо, ей снились кошмары. И неудивительно при такой-то беспутной жизни.

Кирилл смотрел на нее пустым, равнодушным взглядом, но мысли его были заняты только одним человеком на свете – единственным и самым любимым. Только для него он готов на все – в буквальном смысле этого слова, – лишь бы удовлетворить мыслимые и немыслимые желания своего любимого, чтобы сделать его счастливым. Этим везунчиком был он сам. Соблазнительно молодой,

безумно красивый и чертовски сексуальный!

Второй его страстью стала любовь к женщинам, вернее, ее физическая составляющая, необходимая ему, как еда и питье. Кирилл чувствовал, что внутри каждой, даже самой добродетельной представительницы слабого пола сидит распутница, куртизанка, стремящаяся наружу и готовая пуститься во все тяжкие. Если, конечно, на пути встретится тот единственный и неповторимый, который убедит ее в том, что высоты любви можно достичь только через физическую страсть. И нет в его практике отношений ни одной дамы, которую он в этом не смог убедить. Глупые женщины, они так надеются, что представляют для него какую-то ценность, что готовы поверить во что угодно.

Однако больше всего на свете Кирилла манили к себе деньги, которые он любил почти так же самозабвенно, как себя самого. Может, даже и больше.

Ему сейчас двадцать три. Это – еще или уже? Много или мало? Пожалуй, для той богемной жизни, которую он для себя выбрал, – самое то, что нужно. Но это сегодня, сейчас. Пройдет несколько лет, и очарование юности, на которое так клюют молодые и красивые девушки, а также немолодые и некрасивые, но очень богатые тетеньки, пытаясь перетянуть на себя это уже ушедшее от них чудо молодости – ну хоть немножко, хоть чуточку, дабы самим помолодеть – исчезнет безвозвратно. И он превратится в грубовато-мужиковатого, ничего в жизни не добившегося и лысеющего или уже лысого бездельника, изображающего из себя таинственную, загадочную личность. А по сути являющегося всего лишь жалким неудачником.

Поэтому, рассуждал Кирилл, к тридцати годам у него уже должно появиться все необходимое для продолжения красивой беспечной жизни, к которой он успел привыкнуть. В обязательный набор светского льва капризного светского мира он включил в первую очередь квартиру в столице или загородный дом в ближнем пригороде. Но лучше, конечно, и то и другое. А еще дорогую, внушающую восторг, трепет и зависть всех особей мужского и женского пола, великолепную иномарку последней модели. Но самое главное – постоянный и надежный, бездонный и неиссякаемый источник денежных средств.

Что наша жизнь? Большой аукцион, публичная распродажа, на которой ты, пока молод и красив, пытаешься продать себя как можно дороже богатым тетенькам, соревнующимся за право тебя купить. Счастливой покупательницей становится та претендентка, которая предложит самую высокую цену. Стук молотка – и ты

продан! Твоя жизнь поставлена на карту. А в картах главное – что? Быть хорошим игроком, знающим все правила игры и умеющим блефовать.

Но даже это не самое главное. Потому что если у тебя нет удачи, способной привести любое задуманное дело к успешному завершению, то все твои поползновения сделать свою жизнь счастливой становятся тщетными. Ты лезешь из кожи вон, день и ночь прилагаешь невероятные усилия, бьешься как рыба об лед, чтобы добиться чего-то, но все бесполезно, так как тебе и твоей удаче просто не по пути.

Как притянуть к себе, приручить и никогда больше не отпускать от себя эту столь соблазнительную, желанную и практически решающую все твои проблемы, но очень коварную и своенравную птицу счастья? Кирилл знал, что нужно делать. Это единственный и самый надежный способ добиться всего и сразу.

Он сфокусировал задумчивый взгляд на Миле. Вот она, надежда на благополучную и счастливую жизнь. Его первая серьезная добыча, самая перспективная из всех встреченных им в мире богатства и роскоши.

Стара, конечно, для него, но не всю же жизнь ему с ней мучиться, в конце-то концов. Она только ступенька в достижении его цели. Мила сама его выбрала на аукционе жизни, значит, у нее такая судьба. А что он? Судьба – индейка, пардон, птица счастья, которая осторожно коснулась его крылом. И Кирилл ни за что на свете не упустит этот удачнейший для него момент, воспользуется им в полной мере.

На ум пришла подходящая пословица: «Куй железо, пока горячо!» Он злобно ухмыльнулся, вспомнив вдруг байку про японцев, приехавших в Россию изучать русские пословицы. Столкнувшись со сложностями самого богатого и могучего в мире языка и изобилием пословиц на все случаи жизни, породившими полную сумятицу в их умных головах, они выдали новую трактовку старой пословицы: «Куй железный, пока горячий».

«Молодцы, японцы: не в бровь, а в глаз! Как раз обо мне», – подумал Кирилл и снова повернулся на спину, разглядывая причудливый потолок роскошной спальни и изумительно красивую люстру стоимостью с новую иномарку.

Да, он хочет жениться на деньгах. А почему, собственно, любовь не может стоять на втором месте после его личных интересов? Ведь это так просто – влюбиться в богатую избранницу, а не в бедную. И вообще он считает, что заниматься любовью в дорогом особняке ближайшего пригорода столицы гораздо романтичнее, чем в коммуналке в заштатном городишке. К тому же отсутствие вкусной и здоровой пищи, без которой Кирилл себя уже не мыслил, не очень-то возбуждает его аппетит, в том числе и любовный.

Он прекрасно понимает, что вытянул счастливый билет, так как среди многочисленных соискателей внимания Милы ее взгляд остановился именно на нем. Это его удача. Оставшиеся за бортом только облизываются, терпеливо ожидая своей очереди и следя за каждым его шагом и словом, чтобы наброситься и вырвать трофей.

Но не тут-то было! Сногсшибательная любвеобильность и неутомимость, позволяющие ему уже пять долгих месяцев удовлетворять самые необузданные и дикие желания Милы, не оставляют противникам даже маленькой надежды на смену декораций. «Что может быть важнее еще одного часа наслаждения с таким красавцем, как я! А потом еще одного и еще...» – самодовольно думал Кирилл.

Он чувствовал, что Мила не готова к серьезным отношениям, не перебесилась. Сейчас ей нужен молодой и сильный партнер для удовлетворения самых низменных желаний и инстинктов, которые дают силы жить привычной кипучей жизнью, а также помогают при создании оригинальных и шумно-скандальных телепроектов, обозначаемых ею как «творчество». Именно занятие этим творчеством придавало хоть какой-то смысл распутному и безумно-суетному существованию Милы.

И Кирилл старался изо всех сил, считая себя источником ее вдохновения, а по большому счету и соавтором потрясающих шедевров, поражающих обывателей из мещанского болота пренебрежением нормами общественной морали, отсутствием нравственности, наглостью и откровенным бесстыдством.

Рейтинги ее передач настолько высоки, а благодарность высокопоставленных лиц, от которых хоть что-то зависит, так бесконечна и хорошо оплачиваема, что ни у кого не возникает даже мысли прекратить телебезобразия, которые появляются на экранах телевизоров как очередные творения Милы Миланской, «самобытного таланта, человека с большими природными дарованиями», короче

– телесамородка.

«Сколько же сил вложено в это тощее тело, сколько энергии, душевной и сексуальной, – думал Кирилл, неприязненно разглядывая Милу. – Ты за все мне заплатишь, сполна! А вот если мои надежды окажутся напрасными, придется принять соответствующие меры, которые не только тебе, даже мне не понравятся. Поэтому, если ты надумаешь поступить со мной так же, как поступила с моими предшественниками, то лучше тебе совсем не просыпаться, крошка. Скольких хлопот удастся избежать!»

Легкие, словно дымка в предрассветной тишине, и послушные любым его намекам на самые заветные желания и стремления, сладкие мечты о воображаемом счастье молниеносно окутали Кирилла. Он ясно видел себя на роскошной белоснежной яхте в теплых, как ему очень хотелось думать, водах Средиземноморья. Рядом с ним на ярко-красном шезлонге расположилась молоденькая стройная пышногрудая розовощекая брюнетка с нежным загаром, покрывающим восхитительное тело, глядящая на него обожающим и бесконечно влюбленным взором обворожительно голубых глаз.

Кирилл невольно покосился на Милу: худющая, с бледным от перепоя, мятым лицом, спутанные светлые волосы больше напоминают гнездо какой-то безумной дикой птицы. Разве здесь ее место, в этой шикарной квартире в центре столицы? Да ей лучше подойдет какая-нибудь заброшенная деревушка в глухомани с беспросветными алкашами. Там она точно придется ко двору.

Кто бы мог подумать, что это та самая Мила Миланская, тайная мечта безусых юнцов, с вожделением листающих глянцевого журналы с ее слишком откровенными и ужасно соблазнительными – скорее всего после фотошопа – фотографиями. Та самая птица счастья для молодых мужчин и зрелых молодящихся стариков, грезящих о ней бессонными ночами. Наверное, и нет таких, которые бы не воображали себя женихами самой завидной невесты столицы и ее окрестностей.

Богатейшая невеста со звездным приданым – известностью и славой, роскошной и расточительной светской жизнью, совершенно безграничными возможностями для счастливейшего избранника в любого рода деятельности или самом безрассудном безделье. И конечно же, баснословными доходами, позволяющими влиться в блистательный клан самых богатых и знаменитых мира сего.

Но и он, Кирилл, не лыком шит. Мила выиграла соревнование за обладание самым прекрасным молодым человеком, какой только нашелся в столице. Ей так же повезло, как и ему. И Мила действительно гордилась им перед подругами... Как самой красивой и ужасно дорогой чувственной игрушкой?

Да хоть бы и так! Ну и что? Никаких угрызений совести по этому поводу Кирилл не испытывает, не считает себя ни обманщиком, ни соблазнителем. Его отношения с Милой – всего лишь взаимовыгодный симбиоз. Как известно, спрос рождает предложение: есть купец – есть и товар. Так что еще неизвестно, кто из них больше циник – он или она.

Тогда почему его так коробит звание жиголо? Нет, все-таки лучше, если он будет считать себя женихом. Хотя Мила скорее совсем состарится, чем когда-нибудь выйдет замуж. Вот ненормальная! Все бабы как бабы: хотят создать семью, родить хотя бы одного ребенка. А она как будто и не женщина вовсе – ни муж ей не нужен, ни дети. Сама себе и мужик и баба. Ну точно больная на всю голову.

Кириллу еще не приходилось видеть женщину, которая бы так ненавидела детей, как ненавидит их Мила. Да ее начинает трясти от злости, когда она слышит детский крик или плач. И тогда она вопит во все горло: «Кто-нибудь заткнет этого мелкого гаденыша?!» Правда, когда капризничает «гаденыш» богатых родителей, она просто скрипит зубами и сама старается поскорее убраться куда подальше.

Мила шевельнулась и застонала. Кирилл понял, что его «зазноба – предмет озноба» просыпается. Так как общаться с ней у него не было никакого желания, он мигом вскочил с кровати и, накинув роскошный халат, быстро покинул комнату.

На кухне Кирилла уже ждала преданная Настя, готовая на любые жертвы и подвиги, лишь бы сделать любимого счастливым. Искусно приготовленные Настей блинчики с красной икрой он мог есть хоть каждый день, и они ему никогда не надоедали.

Эта вкуснейшая, красивейшая яркая икра ассоциировалась у него с будущей жизнью, к которой он тщательно и основательно готовился, прилагая все мыслимые и немыслимые способы и средства. И Кирилл с удовольствием

приступил к любимому завтраку, строя глазки влюбленной домработнице, млеющей от тайных желаний.

Глава 7

Уметь спать – это вам не хухры-мухры

Мила металась во сне, бормоча что-то нечленораздельное и пытаясь разорвать на себе одежду. Ее мучил жар, и даже легкая коротенькая ночная сорочка из тончайшего золотистого шелка на узких бретельках казалась раскаленной огненной лавой для измученного болезнью тела.

– Ненавижу! Я вас всех уничтожу! – закричала Мила и проснулась от собственного крика. Вскочив с постели, швырнула покрывало на пол и затравленно принялась оглядываться: – Где я? Что со мной? – В голове словно разорвалась мощная петарда. Мила сжала виски и снова закричала: – Ну хватит уже, мне же больно!

Боль немного отступила, словно смиростивилась над ней.

И вдруг отблеском внезапно сверкнувшей молнии, осветившей ночной небосвод, вспышка памяти выхватила из попытавшегося утаить сознания важный факт – фуру со слепящими фарами, мчащийся по встречной полосе мотоцикл, сильнейший удар, после которого ее выбрасывает из автомобиля и объятый пламенем после взрыва «Бентли». Дальше – темнота.

– О боже! Я же попала в аварию! А потом эта тайга. Меня же похитили!.. Или нет? Где вы? Куда все делись? Испугались! Я все равно вас найду. Я вас по судам затаскаю. Пожалеете, что на свет народились!

Превозмогая чудовищную слабость, она дотащилась до зеркала и тяжело опустилась в небольшое мягкое кресло перед изящным столиком. С трудом подняла тяжелые веки и жадно впиалась в собственное отражение, затем осмотрела руки, ноги: умопомрачительной красоты маникюр и педикюр, прическа, правда, немного помятая, макияж от самых модных и дорогих

стилистов – все на своих местах.

«Слава богу! Зачем же так пугать-то?! – обратилась она мысленно к неизвестности. – Это только сон. И ничего больше. Только сон. Страшный и бессмысленный, – уговаривала себя Мила. – Просто я заболела. Иногда со мной такое бывает. А то, что я помню, – всего лишь бред больного. Только бред...»

Однако реальность сновидения не давала покоя. Если сон приснился раз, то где гарантия, что не приснится вновь? Сейчас больше всего на свете она не хотела бы снова оказаться в нем. Для психики Милы это слишком экстремально. Она сжала виски и закрыла глаза, пытаясь не делать лишних движений, которые откликались в теле нестерпимой болью. Да что с ней такое происходит?

В комнату вошел Кирилл, довольный и сытый, как кот, объевшийся сметаной. Он не очень старательно изобразил заботу и любовь, приблизившись к Миле и равнодушно чмокнув воздух возле ее уха, что должно было означать поцелуй любимого.

«Словно прожили в браке не менее тридцати лет, и она мне осточертела, а у меня нет возможности развестись, – лениво размышлял Кирилл, равнодушно оглядывая Милу. – Застрелиться можно... Но лучше все-таки, да и разумнее, пристрелить ее. Как загнанную лошадь. Подумать только, эта кляча еще и сильнодействующими антидепрессантами позволяет себе баловаться. Видите ли, ее все достали! Сама же портит окружающим жизнь, и сама же на всех жалуется».

Кирилл вспомнил, как Мила горстями пила таблетки, пытаясь справиться с тяжелой депрессией, которая охватывала ее в последнее время все чаще. Уж он-то ни за какие коврижки не станет губить свое драгоценное здоровье. «Совсем с ума сходит от вседозволенности». Увидев, что она открыла глаза, попытался изобразить сочувствие.

– Милочка, дорогая, что-то случилось? Ты себя плохо чувствуешь, радость моя? – постарался спросить ласково, но получилось как-то уж очень фальшиво даже для его льстивого и ко всему привычного слуха.

Прибежала испуганная домработница с бокалом воды, пахнувшей валерьянкой, которая у Насти всегда наготове при нервных и истерических состояниях

хозяйки.

– Людмилочка Павловна, выпейте скорее, вам сразу полегчает. Все хорошо, миленькая вы наша, все хорошо. Надо только выпить валерьяночки, и все будет расчудесненько, – щебетала Настя, поднося Миле на блюдце хрустальный бокал. – Пейте-пейте. А я вам сейчас ванну приготовлю, с травками и душистыми маслами, как вы любите. И сок апельсиновый, ваш любимый, уже готов. И овсяночку на воде сварила. Тоже как вы любите.

– Ты что, рехнулась на старости лет? – закричала Мила, наливаясь гневом. – Ослепла совсем: не видишь, что у меня жар?! Немедленно ко мне Николаева.

Она резко вскочила с кресла, комната поплыла куда-то в сторону. Кирилл еле успел подхватить падающую Милу, больше похожую сейчас на сломанную куклу. Положив ее на кровать, отошел в сторону, уступив место Насте с успокаивающим.

Мила больше не сопротивлялась. Безропотно отпила из бокала и, совершенно измученная, откинулась на подушку. Почему ей так плохо? Что происходит? Только бы снова не уснуть, только бы не уснуть! Откуда эта мучительная боль, головокружение, тошнота? И что это за видения, которые она помнит неясными обрывками и после которых никак не может прийти в себя?

Надо что-то делать, принять какие-то меры. Срочно! Пока она снова не уснула.

– Чего застыла? Живо ко мне врача, и чтоб немедленно явился. Немедленно! – распорядилась Мила, и Настя стремглав бросилась звонить домашнему доктору.

– Але-але, Семен Ефимович, миленький, приезжайте скорее. Людмилочке Павловне, нашей красавице, плохо, – уже через минуту громко кричала Настя в трубку из другой комнаты, чтобы хозяйка могла услышать и оценить, как же добросовестно та печется о ее здоровье. – Жар у них. Да-да, мы ждем с нетерпением... Да-да, Семен Ефимович, непременно поставим градусник и холодный компресс на лоб до вашего приезда... Да-да, Семен Ефимович, машину я за вами высылаю.

Мила всегда считала себя здоровой, крепкой и выносливой. Она никогда не обращала внимания на недомогания и была убеждена в том, что если их

игнорировать, то они пройдут сами. Самоуверенно полагая, что знает больше врачей, признавала только две крайности, два естественных для нее состояния – либо она абсолютно здорова и чувствует себя превосходно, либо находится на грани истощения.

Именно на грани морального и физического истощения она сейчас и пребывала. Но ее прежние болезни объяснялись бессонными ночами и работой над новыми интересными программами, которые требовали колоссальных затрат энергии. И все это на фоне совершенно диких диет, когда она позволяла себе за день лишь одно яблоко. Или совсем ничего не ела несколько дней, только пила воду. Всецело увлеченная интересным проектом, Мила и сама ходила голодная, и других, кто на нее работал, почти морила голодом. Мало кто выдерживал рядом с ней.

Теперь же Мила никак не могла понять причины источника нездоровья. Откуда эта слабость, боль в каждой клеточке тела? Что происходит? Ее бросало то в жар, то в холод, а в голове царил туман. Если она спала и видела кошмарный сон о том, что видит сон и никак не может проснуться, то почему вместе со сном не ушло плохое самочувствие? Почему ей плохо так же, как в самом сне?

Вот сейчас приедет Николаев и все расставит по своим местам: расшифрует сон, разберется с действительностью, а болезнь вылечит.

– Киска моя, тебе плохо? Чем я могу помочь? Только скажи, и я для тебя сделаю все, – хлопотал рядом Кирилл, укрывая Милу и участливо заглядывая в глаза.

– Не смей меня так называть! Пошел вон! – закричала Мила и зажмурилась, пытаюсь унять нервный озноб, не позволяющий сосредоточиться и собрать расплывающиеся мысли во что-то единое целое и объяснимое, так как больше всего на свете ее пугала неопределенность.

Кирилл отошел от кровати, не очень старательно изображая на лице обиду, затем выскользнул из комнаты, радуясь, что так легко отделался. Мила прогнала и Настю, навязывающуюся с градусником.

Как же они ей оба осточертели! От сладких показушных улыбок сводило скулы, а сюсюканье порождало такую злобу, что хотелось убить их обоих. Но лучше совсем вышвырнуть из своей жизни, избавиться от греха подальше – и дело с

концом. Жизнь не должна топтаться на месте. Все течет, меняется и развивается. Если каким-то отношениям пришел конец, то необходимо рвать их, не жалея, и начинать новые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherkasova_nadezhda/lovushka-dlya-stervy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)